

В Я Ч Е С Л А В К О Р Д

РОКС-9
ДАЛЬНИЙ СЛУХ
СЕКТОР 8

РОКС-9

КРИК В ПУСТОТУ

ОНИ ИСКАЛИ РАЗУМ ВО ВСЕЛЕННОЙ.

Вячеслав Корд

Крик в пустоту

<https://litres.ru/74042049>

SelfPub; 2026

Аннотация

РОКС-9 — первая контактная станция человечества на краю Солнечной системы. Шесть человек, устаревшее оборудование, три года ожидания, и казалось бы бессмысленной работы. Проект на стадии закрытия.

В ту же ночь приходит аномальный сигнал. Не шум , математика, фрагменты земных протоколов. Кто-то принял их крик. Кто-то ответил. Но не ясно кто принял , и кто ответил...

К станции пристыковывается чужой корабль. Пилот — Крэй Венс, контрабандист с другой планеты. Он знает, что значит этот сигнал. И молчит.

В поясе Койпера что-то движется навстречу.

У них 72 часа. Земля говорит: ждите. А объект не ждёт.

Первый контакт без торжества. Медленный, клаустрофобный, психологически точный.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Крик в пустоту

Глава

В. Корд

КРИК В ПУСТОТУ

Книга первая

Они искали разум во вселенной.

Вселенная ответила.

ПРОЛОГ

РОКС-9. 2149 год. Ночь первого сигнала.

Кира Соул не помнила, когда в последний раз просыпалась отдохнувшей.

Не в том смысле, что забыла конкретный день — в том смысле, что само это состояние стало абстракцией. Как запах земли после дождя. Как вид горизонта. Как всё, чего не было на РОКС-9 и никогда не будет.

Три года, два месяца, двадцать один день.

Она не вела счёт намеренно — просто станционный журнал фиксировал каждое утро автоматически, и мозг, не спрашивая разрешения, складывал дни аккуратной стопкой где-то на самом краю сознания. Как долг, который знаешь, что придётся отдать, но не сейчас. Не сейчас.

В три часа сорок минут по корабельному времени Кира сидела в аналитическом отсеке и смотрела в экран.

Точнее — смотрела в сторону экрана. Потому что смотреть три года подряд на спектрограммы водородной линии и ждать чего-то, что никогда не происходит — это называется иначе. Это называется «профессиональный взгляд в никуда», и среди персонала РОКС-9 он был у всех шестерых.

Кофе в кружке давно остыл. Она знала это — последний раз отпивала примерно сорок минут назад. С тех пор просто держала в руках: ради веса, ради чего-то конкретного в ладони, когда всё вокруг было данными, экранами и пустотой.

Гул вентиляционной системы занял всё остальное.

РОКС-9 гудела всегда. Реакторы, насосы, охладители процессоров, компрессоры жизнеобеспечения — низкочастотная сигнатура, которую невозможно заглушить и невозможно игнорировать. В первые месяцы Кира спала с берушами. Потом перестала — берушей не хватало заглушить ощущение вибрации в костях. Потом вибрация стала фоном. Потом фон стал тишиной.

Вот что такое адаптация: не когда перестаёшь замечать, а когда замечаешь только изменения.

Сегодня ночью вентиляция работала чуть громче обычного. Левый насос — Кира определяла по тону, как определяют ноту. За три года научилась. Восьмой сектор. Там лопасти уже год просили замену, и уже год в заявке стояло «одобрено, ожидает поставки». Бюджет проекта «Дальний

Слух» урезали до уровня, при котором это «ожидает» означало «никогда».

Проект закрывали.

Не официально ещё — но все на станции знали. Ещё три месяца, может четыре. Потом автоматический режим, потом отзыв команды, потом консервация. РОКС-9 превратится в ещё одну железку, летящую в никуда — без людей, без смысла, просто по инерции гравитации и истории.

Кира налила в кружку горячей воды из термоса. Развела растворимый кофе. Сделала глоток — горько, плохо, горячо. Вернулась к спектрограммам.

Ничего. Фоновый шум. Реликтовое излучение. Гравитационный мусор от прохождения комет.

— АРК, — позвала она.

— Слушаю, аналитик Соул.

Голос АРКа был нейтральным — не потому что так спроектировали, а потому что после последнего обновления систему переписали ради экономии вычислительных ресурсов. Интонация ушла. Кира поначалу скучала по ней — раньше у него было что-то похожее на темп, на манеру. Потом решила, что так даже лучше: нейтральность не раздражает.

— Что-нибудь новое за последние шесть часов?

— Два ледяных объекта в дальнем поясе Койпера. Гравитационное возмущение, предположительно от прохождения малого тела. Никаких аномалий в целевом диапазоне.

— Сигналы?

— Фоновый шум. Ничего, что требовало бы вашего внимания.

— Хорошо.

Она вернулась к экрану. АРК не отключился — остался в фоне, что было его обычным режимом. Не ждал и не уходил. Просто был рядом, как вентиляция.

— АРК.

— Слушаю.

— Ты когда-нибудь задумывался, зачем мы здесь?

Пауза — не потому что думал, а потому что оформлял ответ.

— Станция РОКС-9 является частью проекта «Дальний Слух». Цель — мониторинг водородной линии 1420 мегагерц и поиск сигналов внеземного происхождения. Персонал обеспечивает работу оборудования, требующего человеческого присутствия.

— Я не об этом спрашивала.

— Понимаю. — Пауза чуть длиннее. — Нет, аналитик Соул. Не задумывался. Это не моя функция.

— Повезло тебе.

— Вероятно.

Кира поставила кружку. Тихий стук о металлический стол — резкий в этой тишине, наполненной гулом.

Встала. Потянулась — хрустнула шея, потом поясница. Звуки, которых она стеснялась в первый год. Теперь — просто звуки тела, которое слишком долго сидит на неудобных

стульях.

Она прошла по аналитическому отсеку — три шага в длину, два в ширину. Самое маленькое рабочее место на станции. Её личное. Она привыкла.

У переборки — стеллаж с распечатками. Кира принципиально распечатывала ключевые данные: бумага не глючит, не требует питания, не зависает от перегрева систем. Коллеги смеялись в первый год. Потом перестали — когда во время сбоя питания три года назад именно её бумажные записи помогли восстановить часть данных.

На полу — кружка с засохшим кольцом от кофе. Вторая, которую она потеряла под стеллажом в начале смены и не нашла. Когда-нибудь найдёт.

Кира вышла в коридор.

РОКС-9 в три часа ночи была другой станцией, чем РОКС-9 днём.

Не потому что что-то менялось физически — свет горел ровно, системы работали одинаково. Но люди исчезали. Коридоры пустели. Оставался только гул.

И тогда можно было по-настоящему почувствовать, что это такое — жить внутри металлической банки на окраине Солнечной системы, в сорока семи световых годах от ближайшей звезды с именем. Никакого обозначения в навигационных реестрах ни одного земного агентства. Просто — периферия. Забытый сектор. Место, которое существует, по-

тому что физически не может не существовать, — но которое никому не нужно. Вне торговых маршрутов. Вне чьих-либо интересов. Вне.

Если они вообще существовали.

Именно в этом Кира убеждалась каждую ночь. Три года спектрограмм. Три года фонового шума. Три года «ничего, что требовало бы вашего внимания».

Она шла по центральному коридору медленно — не потому что куда-то торопилась, а потому что ходить было единственным способом почувствовать ноги. Рифлёный пол под кроссовками. Обшивка, кое-где заменённая заплатками — разного оттенка серого, аккуратными рядами. Видно было, где чинили. Где ставили временно. Где «временно» превратилось в постоянно.

На стене у третьего отсека кто-то нацарапал: «РОКС-9 — уши человечества». Ниже, другим почерком, другим инструментом: «Уши, которые никто не слушает». Ниже ещё, совсем мелко, чуть стёртое — просто дата. Три года назад. Кира не знала, кто написал.

Может, она сама. В первый месяц она многое делала, не запоминая.

В кают-компании горел тусклый свет — режим ночной экономии, треть яркости.

Надя Волк спала за столом, положив голову на скрещённые руки. Рядом — раскрытый планшет с техническими схе-

мами левого насоса. Того самого, из восьмого сектора. Рядом с планшетом — чашка с остатками чёрного чая. Холодного давно.

Надя работала с семи утра и собиралась работать до семи утра следующего дня. Это была её манера: не просто смены, а циклы полного погружения. Когда что-то ломалось или требовало внимания — она входила в режим и не выходила из него, пока не заканчивала. Кира иногда завидовала этому. Сама она так не умела: мозг переключался, отвлекался, требовал пространства. Надя — не требовала. Надя просто делала.

Кира не стала её будить. Сняла куртку с крючка у стены — станция ночью немного остывала, экономайзер резал отопление на три градуса — и накинула на плечи Нади. Та не пошевелилась. Дышала ровно, как человек, умеющий спать где угодно.

Дальше по коридору — технический отсек. Оттуда слышно было тихое шипение: Рем Сайт работал с газовым анализатором. Кира заглянула — он не обернулся. Сидел к ней спиной, что-то настраивал. На мониторе — графики состава воздуха, стабильные все три года. Рем проверял их каждую ночь. Не потому что требовалось — потому что не мог не проверять. Он называл это «профессиональной паранойей», и, наверное, был прав.

— Рем.

— М-м.

— Всё нормально?

— Азот чуть выше нормы. Компенсирую.

— На сколько выше?

— На 0.3%. Несущественно.

— Тогда зачем не спишь?

Он наконец обернулся. Лицо серое от усталости, глаза ясные. Это всегда было странным несоответствием.

— Потому что 0.3% несущественно только пока несущественно.

Кира кивнула. Логика была понятная.

— Через два часа разбуду Лену, — сказал он. — Пусть тоже посмотрит.

— Лена придёт сама.

— Она редко спит больше пяти часов.

— Никто здесь не спит больше пяти часов.

Он невесело усмехнулся — одним уголком рта. Это у Рема называлось «смеяться».

Кира пошла дальше.

Навигационная рубка — самое просторное помещение на РОКС-9. Иллюминатор в две трети стены, смотровой экран во всю высоту, кресла с подлокотниками, которые давно перестали регулироваться. Алек Чан сидел в своём — единственном кресле, которое он не разрегулировал специально. Навигатор берёт своё место.

Он не спал. Смотрел на экран.

— Алек.

— Тихо, — сказал он, не оборачиваясь. — Смотрю на Юпитер.

Кира подошла. Встала рядом. На экране — планета, подсвеченная в инфракрасном диапазоне. Оранжевые полосы, тёмные завихрения. Большое красное пятно — буря, которая существует дольше, чем записи о ней.

— Красивый, — сказала Кира.

— Всегда. — Ты знаешь, что отсюда Земля — просто точка? Даже не различить.

— Знаю. Три года.

— Я смотрю каждую ночь. — Он помолчал. — Не на Землю. На Юпитер. На что-то, что можно разглядеть.

Кира не ответила. Понимала.

Космос отсюда был огромным, старым, равнодушным. Солнечная система — крошечной в этом масштабе. Земля — невидимой. И РОКС-9 — меньше, чем точка. Меньше, чем пыль.

Три года назад это ощущение было пугающим. Теперь оно было просто реальностью. Кира не знала, лучше это или хуже.

— Ложись хотя бы на три часа, — сказала она.

— Ещё немного.

— Алек.

— Ещё немного, Кира.

Она вышла.

Своя каюта была последней — самой дальней от центра станции. Кира выбрала её сознательно три года назад: дальше от гула реакторов, ближе к внешней обшивке. Там был иллюминатор. Маленький, в ладонь размером, но настоящий. Стекло в три слоя, поляризованное.

За иллюминатором — звёзды.

Кира не смотрела на них каждую ночь. Только иногда. Когда становилось совсем плохо — не в том смысле, что случилось что-то конкретное, а в том смысле, что давление непрерывного «ничего» становилось физическим.

Три года. Два месяца. Двадцать один день.

Человечество начало посылать сигналы в водородной линии в двадцатом веке. Громко, настойчиво, почти подростково: «Эй, есть кто?» Сначала — Земля. Потом — с орбиты. Потом — с Луны, с Марса, с дальних станций. РОКС-9 была последней в этой цепи. Самой дальней. Самой тихой. Самой дорогостоящей на единицу полученных данных.

Которая была нулевой. Три года подряд.

Кира легла на койку, не раздеваясь. Смотрела в потолок — серый металл, две полосы кабель-канала, пятно от старой протечки, давно запаянной. Пятно было похоже на собаку, если смотреть с определённого угла. Или на медведя. Зависело от настроения.

Сегодня это была просто протечка.

— АРК, — сказала она потолку.

— Слушаю.

— Установи порог оповещения. Любой сигнал на водородной линии, не соответствующий известным природным источникам — буди меня немедленно.

— Какой порог достоверности?

— Самый низкий. Если что-то чихнёт в радиусе ста астрономических единиц — хочу знать.

— Принято.

— Хорошо.

Она закрыла глаза.

Станция гудела. Насос в восьмом секторе постукивал. За обшивкой — абсолютный вакуум и сорок семь световых лет до чего-нибудь с именем.

Кира спала плохо и долго — минут сорок провалилась в что-то похожее на сон, потом всплыла, потом снова вниз. Снились ей не звёзды и не космос. Снилось море — берег, где-то на Чёрном море, куда её брала бабушка в детстве. Волны, которые слышно, но не видно в темноте. Запах соли. И ощущение, что в этой темноте что-то есть — не опасное, просто очень большое, очень старое. Что-то, что было здесь до тебя и будет после.

Она проснулась от этого ощущения.

Два часа сорок минут. Лежала, смотрела в потолок. Собака или медведь.

Потом АРК заговорил.

Не разбудил её — она уже не спала. Но его голос разрезал

тишину с точностью скальпеля.

— Аналитик Соул.

— Слушаю.

— Обнаружена аномалия на водородной линии. Источник неизвестен. Характер нетипичный. Рекомендую ваше присутствие в аналитическом отсеке.

Кира не вскочила. Просто встала — медленно, потому что три года научили её не вскакивать от каждого сигнала. Тем более что сигналов не было никогда. И сейчас, вероятно, природный источник, какая-нибудь новая разновидность гравитационного эха.

— Вероятность ошибки? — спросила она, нашаривая кроссовки.

Пауза. Чуть длиннее обычного.

— Практически исключена.

Кира замерла с кроссовком в руке.

— Повтори.

— Крайне мала. Практически исключена.

Она надела кроссовок. Встала. Пошла в коридор — сначала шагом, потом быстрее. Потом побежала.

В аналитическом отсеке горел полный свет — АРК включил автоматически.

Кира влетела в кресло, схватила планшет, открыла данные.

Экран ударил в глаза: спектрограмма водородной линии,

которую она видела тысячи раз. Обычно — ровный фоновый шум, лёгкий флуктуирующий паттерн реликтового излучения, несколько природных пиков от известных источников.

Сейчас здесь было что-то другое.

Структура. Не случайная. Не хаотичная. Упорядоченная — в смысле, в котором упорядочен математический ряд. В смысле, в котором упорядочена мелодия.

Кира уставилась в экран.

Руки стали холодными. Не от температуры — от того, что иногда тело понимает раньше мозга.

— АРК. Покажи разложение структуры.

На экране появились три отдельных слоя — сигнал расщеплённый, каждый компонент отдельно.

Первый: математические константы. Простые числа в нарастающем порядке. Потом — пи. Потом — число е. Классика, если думать о том, как разговаривать с незнакомой цивилизацией. Язык математики — универсальный.

Второй слой: что-то сложнее. Модуляция, знакомые фрагменты — Кира потёрла глаза, вгляделась. Что-то из архивов. Что-то, что она видела раньше.

— АРК. Сравни второй слой с архивом наших исходящих сигналов.

— Совпадение структуры: 34%.

У Киры пересохло во рту.

— Они использовали наши протоколы.

— Часть из них. Включены в конструкцию сигнала.

— Кто-то разобрал наши сигналы и включил фрагменты в свой.

— Да.

Третий слой — она почти боялась смотреть.

— АРК. Третий слой.

— Не соответствует известным протоколам. Компрессия выше стандартной. Частичная декомпрессия даёт 14 мегабайт. Полная — невозможна без ключа.

— Что значит «без ключа»?

— Сигнал имеет структуру условного доступа. Часть данных зашифрована методом, требующим ответного сигнала.

Кира смотрела в экран.

Три года. Три года ничего. И вот — это.

— АРК. Откуда сигнал?

— Продолжаю анализ. Источник удалён. Предварительно — 47.3 световых года. Область без звёзд в видимом диапазоне.

— Как — без звёзд?

— Три варианта: тёмный объект, объект за галактической плоскостью, ошибка триангуляции. Погрешность — значительная.

— Много для такого расстояния.

— Для направленного сигнала на таком расстоянии — приемлемая. И сигнал направленный.

— Направленный.

— Ширина луча — три угловых секунды. Прицел в Сол-

нечную систему.

Кира почувствовала, как по спине прошёл холод. Не метафорически — физически. Она потом много раз пыталась описать это ощущение и не могла. Что-то на пересечении ужаса и благоговения. Что-то, для чего человеческий язык не придумал слова, потому что раньше этого не случилось.

— Бужу остальных, — сказала она.

— Рекомендую подождать верификации.

— Нет.

— Вероятность ошибки 0.003%—

— Нет.

Она нажала общий интерком.

— Подъём, — сказала она в микрофон. — Всем в аналитический отсек. Немедленно.

Они пришли в разном состоянии.

Алек — быстро, как человек, который на самом деле не спал. Тео Аркас — через минуту, в пижамных штанах и рубашке, с волосами, стоящими перпендикулярно. Надя Волк — с распечаткой в руках, которую она ухитрилась захватить даже во сне. Рем Сайт — с газовым анализатором, который не выпускал из рук последние два дня. Лена Нг — последней, полностью одетой: она действительно не спала больше пяти часов.

Кира не объясняла. Просто показала.

Они молчали примерно двадцать секунд.

Тео сломался первым.

— Это... — начал он и осёкся. Потёр переносицу. — Это математическая организация?

— АРК классифицирует структуру как искусственную.

— 98.7%, — повторил он. Тихо. Как человек, не знающий, куда девать это число.

— Три слоя, — сказала Кира. — Первый — математика. Второй — фрагменты наших собственных сигналов. Третий — зашифрованный, без ключа не открыть. АРК.

— Слушаю.

— Временная характеристика. Сигнал продолжается?

— Да. Непрерывная трансляция. Начало зафиксировано семь часов назад.

— Мы пропустили семь часов?

— Сигнал находился ниже порога автоматического оповещения. Новый порог был установлен вами три часа назад.

Надя присвистнула.

— Тео. — Кира повернулась к ксенолингвисту. — Твоя оценка второго слоя.

Тео уже сидел за консолью — пробирался в данные, не дожидаясь разрешения. Его пальцы двигались быстро, не по сонному. Это была его настоящая скорость.

— Дай минуту.

Остальные молчали. Рем поставил анализатор на пол — жест, которого от него не ждали. Лена прижала пальцы к губам. Алек смотрел в экран с лицом навигатора, читающего

незнакомую карту.

— Три слоя — это стратегия, — сказал наконец Тео. — Не случайность. Первый — базовая верификация. Математика. Говорит: мы рациональны. Второй — демонстрация наблюдения: мы вас слышали, мы разобрали, как вы говорите. Третий...

— Третий?

— Третий — условный. Требуется ответа. — Он обернулся. — Это не приветствие, Кира.

— Что тогда?

— Тест. Они хотят знать, можем ли мы ответить.

Тишина была такой, что слышно было, как в восьмом секторе стучит насос.

— АРК, — сказала Кира. — Временная модуляция третьего слоя. Есть что-то, чего мы не видели?

— Да. Метод шифрования имеет временную привязку. Через 72 часа протокол изменится. Полная декомпрессия станет невозможной без нового ключа.

— 72 часа, — повторил Рем. — Дедлайн.

— Или тест на скорость реакции, — сказал Алек.

— Или и то, и другое, — сказала Кира.

Она смотрела на экран. На мигающую структуру. На что-то, что семь часов сидело в эфире, пока они спали, пока она пила холодный кофе, пока Надя чинила насос.

Семь часов. Это пришло не вчера. Это пришло пока они занимались обычными делами.

— Мы можем ответить? — спросила Надя.

— Нет, — сказала Кира. — Пока не поймём, что это.

— Но это же первый контакт, — Тео повысил голос. —

Если это действительно —

— Если, — оборвала Кира. Не грубо. Просто твёрдо. —

Пока что это аномалия с вероятностью 0.003% ошибки. Это не то же самое, что 0%.

Надя откинулась в кресло, скрестила руки.

— Математика не ошибается в простых числах.

— Нет. Но мы можем ошибаться в интерпретации.

— Ты сама в это веришь?

Кира не ответила.

— Алек. Канал на Землю?

— Открыт. Стандартная задержка — пять с половиной часов в каждую сторону. Получат сообщение через пять с половиной часов.

— Готовь пакет данных. Полная запись сигнала, все три слоя, анализ АРКа. Кодировка «Красный».

— «Красный» — чрезвычайная ситуация, — сказал Тео.

— Если ошибёмся — это конец проекта.

— «Дальний Слух» уже закрывают, — сказала Кира. —

Если это то, чем кажется — уже неважно.

Она посмотрела на них. По очереди. Тео с его изумлением. Надя с её скептицизмом. Рем с его контролирующим взглядом. Лена, которая молчала, но думала — это было видно. Алек, который уже тянулся к клавиатуре.

— У нас 72 часа, — сказала она. — Работаем.

В следующие часы станция изменилась.

Не снаружи — снаружи всё осталось прежним. Тот же гул, тот же запах рециркулированного воздуха, тот же стук насоса в восьмом секторе. Но что-то внутри — в том, как люди двигались по коридорам, как смотрели на экраны, как разговаривали, — изменилось.

Кира замечала это, потому что наблюдение было её профессией.

Тео не отходил от консоли. Он ел стоя — кто-то поставил рядом тарелку с едой, он не посмотрел, кто. Пил кофе машинально, не замечая вкуса. Его пальцы двигались по интерфейсу быстро, потом медленнее, потом снова быстро — в ритме мышления, а не привычки.

Надя ушла в технический отсек и вернулась с инструментами. Не потому что что-то сломалось — она проверяла все системы связи, по одной, вручную. Говорила, что доверяет только тому, что щупала своими руками.

Рем Сайт сделал что-то, чего Кира от него не ожидала: он убрал газовый анализатор. Впервые за два дня. Сел за второй аналитический пульт и начал пересчитывать траекторию сигнала — не потому что АРК ошибался, а потому что хотел сам.

Лена работала тихо, как всегда. Она настроила биомониторинг экипажа на повышенную чувствительность — объяс-

нила: «Стресс влияет на принятие решений. Хочу знать, в каком состоянии каждый». Никто не возражал.

Алек отправил пакет на Землю и сел ждать. Навигаторы умеют ждать.

А Кира стояла у иллюминатора в кают-компании и смотрела туда, где звёзды.

Солнечная система с края выглядела тихой. Жёлтое пятно в центре — Солнце, едва различимое на фоне других звёзд. Юпитер — вообще невидим. Земля — совершенно точно невидима. Просто точка в потоке.

Где-то в 47 световых годах от этой точки — что-то, что знало об их существовании. Что слышало их сигналы. Что разобрало их протоколы и ответило.

Что ответило.

Кира прижала ладонь к стеклу иллюминатора. Холодное — даже через три слоя, даже через изоляцию, металл держал температуру космоса.

Сорок семь световых лет.

Это значит: сигнал отправлен сорок семь лет назад. Когда они ещё ничего не знали — когда РОКС-9 ещё не было, когда проект «Дальний Слух» ещё не существовал. Кире было тогда семь или восемь лет. Она жила в Тбилиси. Ходила в школу. Думала, что мир — это то, что видно из окна.

Кто-то сорок семь лет назад решил ответить.

Сорок семь лет — это долго ждать. Или не долго. Зависит от того, как считать время.

— АРК, — сказала она, не отворачиваясь от иллюминатора.

— Слушаю.

— Классификация. Какова наиболее вероятная цель трёхслойного сигнала с условным доступом?

— Структура напоминает протоколы технологической классификации. Это предположение, не вывод.

— Они нас оценивают.

— Возможная. Или одна из возможных.

Кира убрала руку от стекла. Осталась белая полоса — след тепла на холодной поверхности. Через несколько секунд исчезла.

— Дополнительно, — сказал АРК. — Временная модуляция третьего слоя. Через 72 часа метод шифрования изменится. Это может означать два сценария: отправитель обновляет протокол по расписанию, или отправитель ждёт ответа как условие для следующего шага.

— Какова вероятность второго сценария?

— Выше половины.

Кира стояла в тишине кают-компании, слушая, как гудит станция.

Человечество кричало в пустоту десятилетиями.

Она думала, что получила сигнал.

Она ещё не знала главного.

Кто-то ждал, пока она проснётся.

Тео нашёл её там через час.

— Иди спать, — сказала она, не оборачиваясь. Знала по шагам — его шаги были неровными, слегка шаркающими. Три года достаточно, чтобы узнавать людей по тому, как они ходят.

— Не могу.

— Это не вопрос желания.

— Знаю. Но всё равно не могу.

Он встал рядом. Тоже посмотрел в иллюминатор. Помолчал.

— Ты понимаешь, что это меняет всё, — сказал он наконец. Не вопросом — утверждением. — Абсолютно всё.

— Если это то, чем кажется.

— Перестань. — Тео повернулся к ней. — Ты в это не веришь сама. В то, что ошибка. Я видел твоё лицо, когда читала данные. Ты не сомневалась.

Кира не ответила.

— Я ксенолингвист, — сказал Тео. — Меня держат здесь, как зонтик в пустыне. Три года. Я знаю, что это было ради вероятности, стремящейся к нулю. И вот — сигнал. С трёхслойной структурой. С нашими протоколами внутри. С дедлайном. — Он усмехнулся — нервно, не весело. — Это не зонтик в пустыне. Это гроза.

— Гроза — это ещё хорошо, — сказала Кира. — Гроза понятна. Гроза — это вода, электричество, ветер. Это всё описывается уравнениями.

— А это — нет?

— Мы ещё не знаем.

Тео помолчал.

— Страшно?

— Да.

— Мне тоже. — Я думал, что первый контакт — это праздник. Что я скажу что-то важное. Приготовлю речь, обрадуюсь. А сейчас — просто страшно. И странно страшно: не за себя. За то, что мы можем ответить не так.

— Мы не будем отвечать, пока не поймём.

— Но дедлайн — семьдесят два часа.

— Знаю.

— АРК говорит, что вероятность второго сценария — Выше половины. Что они ждут ответа.

— Знаю.

— И если мы не ответим?

Кира смотрела в звёзды.

— Не знаю, — сказала она честно. — Может, ничего. Может — тест провален. Может — они пришлют другой сигнал. Может — уйдут и больше не вернутся. Может — придут сами.

— Это большой разброс «может».

— Да.

Тео вздохнул. Потёр переносицу — его жест, когда он думал.

— Я собираюсь работать всю ночь, — сказал он. — Над

третьим слоем. Мне нужен АРК полностью.

— Он твой.

— Ты поспишь?

— Попробую.

Он ушёл. Кира осталась у иллюминатора. Смотрела ещё немного — на ничего, на звёзды, которые были просто горящим газом на огромном расстоянии и которые теперь значили что-то ещё.

Потом пошла к себе.

Она легла. Не спала.

Лежала и думала о том, как она оказалась здесь.

Не в физическом смысле — в физическом всё было просто: конкурс, собеседование, отбор. Кира Соул, аналитик с опытом в радиоастрономии и когнитивных системах, прошла в финальную шестёрку из семисот кандидатов. Это не было случайностью — она работала для этого несколько лет, осознанно, последовательно.

Вопрос был в другом: зачем.

Не зачем станция — это очевидно. Зачем она.

Она думала об этом в первые месяцы. Потом перестала — не потому что нашла ответ, а потому что вопрос перестал казаться важным. Важным стало другое: насос в восьмом секторе, качество рециркулированного воздуха, данные на экране, люди рядом.

Но сегодня ночью вопрос вернулся.

Кира помнила, как в восемнадцать лет читала о проекте «Дальний Слух». Не в учебнике — в старом интервью с основателем, каком-то шведском учёном, давно умершем. Тот говорил: «Мы кричим в пустоту не потому что ждём ответа. Мы кричим, потому что это единственный способ сказать: мы здесь. Мы существуем. Мы думаем.» И что-то в этой фразе зацепилось. Не отпускало.

Может быть, это и был ответ на вопрос «зачем».

Не поиск контакта. Не разведка. Не наука в академическом смысле.

Просто — доказательство того, что они здесь.

И вот кто-то ответил.

Кира лежала в темноте и думала: наш крик услышали. Через сорок семь лет, через сорок семь световых лет, через все слои молчания. Услышали, разобрали, ответили.

Но что именно они сказали — она ещё не знала.

И это было самым страшным.

В пять утра АРК разбудил её снова.

— Аналитик Соул. Новые данные.

Она встала без промедления — спала меньше двух часов, но мозг включился почти немедленно. Навык, выработанный за три года.

— Что?

— Два факта. Первый: Тео Аркас успешно частично декомпрессировал третий слой. Данные неполные — 23% от

общего объёма. Требуется присутствия.

— Второй?

— Гравитационная аномалия на границе пояса Койпера. Объект движется к внутренней системе.

Кира замерла.

— Объект?

— Масса не менее десяти в двадцать первой степени килограмм. Скорость — 0.07 от световой. Природное происхождение маловероятно.

— Маловероятно — это сколько?

— Вероятность естественного объекта с такими параметрами: 0.4%.

Кира оделась за двадцать секунд. Вышла в коридор.

В аналитическом отсеке Тео встретил её с красными глазами и планшетом, исписанным вручную.

— Смотри, — сказал он. — Это часть третьего слоя. То, что удалось вскрыть.

На экране — схема. Не изображение, не текст. Что-то похожее на карту — узлы, связи, векторы. Части были скрыты, заменены серыми блоками.

— Что это?

— Навигационные данные. По крайней мере, часть из них. — Тео ткнул в один из узлов. — Вот это — похоже на координаты. Вот это — движущийся объект. И вот это...

Он показал на отдельный блок — почти полностью серый, несколько фрагментов данных.

— Это я не могу расшифровать. Но структура вокруг него — она как будто... приоритетная. Центральная. Всё остальное вокруг этого.

— Объект в поясе Койпера, — сказала Кира.

Тео моргнул.

— Что?

— АРК зафиксировал гравитационную аномалию. Двигается к нам. Вероятность естественного происхождения — 0.4%.

Тео опустил в кресло. Медленно, как человек, у которого внезапно подогнулись ноги.

— Они не просто прислали сигнал, — сказал он.

— Нет.

— Они прислали что-то ещё.

— По крайней мере — одновременно с сигналом.

— Или раньше.

Кира посмотрела на него.

— Объясни.

— Если объект летит со скоростью 0.07 световой — сколько ему лететь от источника сигнала?

— 47 световых лет... — Кира начала считать. — При такой скорости — около 670 лет.

— То есть они отправили объект за 670 лет до того, как послали сигнал.

— Или отправили одновременно откуда-то ближе.

— Или мы неправильно считаем.

— Или у них другие технологии движения.

Они замолчали. В коридоре — шаги. Рем Сайт вошёл в отсек, посмотрел на них, посмотрел на экран.

— Я слышал про объект, — сказал он. — АРК предупредил. Через сколько он будет здесь?

— Считаю, — ответил АРК. — Предварительно — семьдесят два часа.

Тео усмехнулся — горько, невесело.

— Семьдесят два часа до объекта. Семьдесят два часа до изменения шифрования. — Он посмотрел на Киру. — Совпадение?

— АРК. Вероятность совпадения?

— 0.07%.

— Значит, не совпадение, — сказал Рем.

— Значит, они синхронизировали, — сказала Кира.

Она смотрела на схему на экране. На серые блоки, которые скрывали что-то центральное. На то, чего они ещё не знали.

Сигнал пришёл. Объект летит. Дедлайн тикает.

Кто-то очень тщательно спланировал это.

И единственный вопрос, который она не могла пока задать вслух — потому что остальным ещё рано было его слышать — звучал просто:

В чём смысл оценки?

Что происходит, когда оценивающий получает результат?

Земля ответила через одиннадцать часов.

Одиннадцать часов туда-обратно. Стандартная задержка на этом расстоянии. Кира знала её наизусть — она считала её каждый раз, когда отправляла отчёты, и каждый раз ощущала это как физическое напоминание о том, насколько они одни.

Сообщение пришло зашифрованным. Код «Красный» — то, что Кира отправила, вернулось подтверждением и инструкцией.

Ирэн Холланд. Глава отдела внеземных контактов Атлантического Союза. Должность, которую никто не воспринимал всерьёз — до сегодняшнего утра.

Сообщение было коротким.

«Данные получены. Верификация в процессе. Группа „Авангард“ сформирована. Не отвечайте на сигнал до получения инструкций. Режим — абсолютная секретность. Информация не должна выйти за пределы РОКС-9.»

Кира прочитала его дважды. Потом показала Алеку.

Алек прочитал. Кивнул.

— Земля знает, — сказал он.

— Земля знает.

— Как долго они удержат секрет?

— Не знаю. — Кира сложила планшет. — Политики умеют держать секреты. До тех пор, пока не перестают им это выгодно.

— А учёные?

— Учёные — хуже.

Алек невесело усмехнулся.

— Нам сказали не отвечать. А у нас семьдесят два часа до изменения шифра.

— Я знаю.

— И объект идёт к нам.

— Знаю.

— И Земля будет принимать решения без нас.

— Это работа Земли.

— Кира. — Алек смотрел на неё внимательно. — Ты согласна с этим?

Она помолчала.

— Нет, — сказала честно. — Но это не то же самое, что «я буду делать иначе».

Он кивнул.

— Ладно.

В шесть утра по корабельному времени Кира собрала всех в кают-компании.

Они выглядели по-разному. Тео — взбудораженным, как человек, которому впервые в жизни стало интересно по-настоящему. Надя — мрачной, как человек, ожидающий поломки, которую не успеет починить. Рем — спокойным внешне, что означало у него максимальный уровень внутренней тревоги. Лена — внимательной, с планшетом биометрии в руках. Алек — уставшим, как всегда, но с глазами,

в которых появилось что-то новое.

Кира поставила на стол кружку. Черный кофе, горячий. Взяла обеими руками.

— Ситуация, — сказала она. — Земля знает. Инструкция — молчать и ждать. «Авангард» летит к нам — группа инспекторов. Время прибытия неизвестно, но не менее недели.

— А объект? — спросила Надя.

— Семьдесят два часа.

— Объект раньше.

— Да.

— И что мы делаем?

Кира посмотрела на свою кружку. Потом на них.

— Работаем, — сказала она. — Тео продолжает третий слой. Рем — объект, траектория, характеристики. Надя — все системы связи в идеальном состоянии. Алек — мониторинг объекта каждые два часа. Лена — биометрия экипажа, не пропускать ничего. Я — координация и связь с Землёй.

— А отвечать на сигнал? — спросил Тео.

— Нет.

— Но дедлайн—

— Нет, Тео.

Он закрыл рот. Кивнул.

— Вопросы?

— Есть, — сказала Лена тихо. — Один. — Она посмотрела на Киру. — Если объект и сигнал синхронизированы... это значит, что всё, что мы делаем — они видят?

Тишина.

— Возможно, — сказала Кира.

— Тогда они уже знают, что мы получили сигнал.

— Вероятно.

— И знают, что мы его читаем.

— Да.

— И знают, что Земля приказала нам молчать.

Кира не ответила.

Лена кивнула. Опустила глаза в планшет.

В кают-компании было тихо. Гул реакторов. Стук насоса в восьмом секторе. Запах кофе и переработанного воздуха.

РОКС-9 гудела, как всегда.

И где-то в семидесяти двух часах от неё летело что-то, что синхронизировало своё прибытие с истечением срока шифрования.

Кира подняла кружку. Сделала глоток — горько, горячо.

— Работаем, — повторила она.

Через тридцать шесть часов после первого сигнала — в промежутке между сменами, когда Надя дремала в техническом отсеке, Рем пересчитывал траекторию в третий раз, а Тео уставился в данные с видом человека, разгадывающего шараду на чужом языке — Кира сделала кое-что, о чём потом долго не говорила.

Она вышла к иллюминатору в навигационной рубке. Тому большому, в две трети стены.

Встала напротив.

Смотрела в космос.

Не анализировала. Не считала. Просто смотрела.

Где-то там, в сорока семи световых годах — или не там, потому что за сорок семь лет источник мог переместиться — кто-то решил ответить на их крик. Кто-то сложный, технологически развитый, достаточно терпеливый, чтобы ждать ответа сорок семь лет. Или не ждать — просто построить алгоритм «когда ответят, сделай следующий шаг». Кира не знала.

Она не знала почти ничего.

И это было правдой её работы — вся её профессия состояла в том, чтобы стоять на границе того, что известно, и смотреть в то, что нет.

Три года. Два месяца. Двадцать два дня.

Раньше это была пустота.

Теперь — нет.

— Аналитик Соул.

— Слушаю.

— АРК. Новые данные по объекту.

— Говори.

— Объект произвёл коррекцию курса. Незначительную — 0.3 градуса. Но коррекция была направлена к РОКС-9. Не к Земле. К нам.

Кира смотрела в иллюминатор.

— Значит, они знают, где мы, — сказала она.

— Да.

— Они шли к нам с самого начала.

— Возможная интерпретация.

— Они шли к сигналу. Не к планете. К источнику.

— Да, — сказал АРК.

Кира убрала руку от стекла. Развернулась. Пошла в аналитический отсек.

Сорок семь часов оставалось до прибытия объекта.

Они думали, что кричали в пустоту.

Пустота не только слышала.

Пустота отвечала.

И теперь шла к ним.

В аналитическом отсеке Тео поднял голову.

Вид у него был такой, будто он сел решить кроссворд, а вместо этого обнаружил внутри инструкцию к вещи, которую считал невозможной.

— Нашёл что-то, — сказал он.

— Говори.

— В третьем слое. Та часть, которую удалось вскрыть. —

Он повернул планшет. — Это карта доступа. Каждый узел открывается только после правильного прочтения предыдущего. Последовательная структура. И смотри — некоторые узлы содержат фрагменты наших собственных сигналов. Тех, что мы отправляли в сороковые годы.

— Они включили наши сигналы как подсказки?

— Да. Как ключи. — Тео помолчал. — Они не просто слышали нас, Кира. Они изучили наш язык. Нашу логику. И построили тест так, чтобы мы могли его пройти — если действительно умеем думать.

— Или не прошли.

— Тоже вариант.

Кира смотрела на карту. На узлы — открытые и закрытые. На серые блоки, за которыми было что-то центральное. Что-то, к чему всё вело.

— Тео. Если бы ты строил такую систему — для кого?

Он задумался. Надолго — для него это было необычно.

— Для тех, кого не знаешь, — сказал наконец. — Для тех, о ком знаешь только то, что они шумят в эфире и умеют считать. Ты строишь тест, который не требует общего языка. Только общей логики.

— И если они прошли тест?

— Тогда ты знаешь: они могут думать. — И тогда ты делаешь следующий шаг.

Кира смотрела в экран.

— Объект — это следующий шаг, — сказала она.

— Да.

— Это не угроза и не подарок. Это продолжение теста.

— Или — результат.

Она не спросила, что означает «результат».

Потому что знала: некоторые вопросы лучше задавать тогда, когда готов к ответу.

А они ещё не были готовы.

Но выбора не оставалось — объект летел, и выбора не было.

ГЛАВА 1

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

КРЭЙЛОГАРИАН ТЭРИВЕНСАР проснулся от того, что корабль молчал.

Не просто тишина — молчание. Разница принципиальная, если знать, как слушать. Тишина на «Валгариан Паринсар» была невозможной. У старой контрабандистской скорлупы всегда было что сказать: реакторный гул на низкой частоте, скрежет теплообменника в третьем отсеке, монотонный свист атмосферного насоса с забитым фильтром, который Крэй собирался поменять уже полгода. Корабль дышал, кряхтел, возился — как старик в кресле-качалке, который не может замолчать, но и встать не может.

Сейчас он молчал.

Крэй открыл глаза. Потолок каюты — серый листовой металл с остатками кого-то чужого граффити, поверх которых он когда-то попытался нарисовать что-то своё и бросил на середине. Три года назад. Или четыре. Пятно на потолке теперь было похоже на карту несуществующего континента.

Он полежал секунду. Слушал.

Тихо.

— Стерва, — сказал он.

— Здесь, капитан.

Голос ИИ пришёл из динамиков без обычной колкости. Это само по себе было сигналом. ЭОНДА без колкости — это ЭОНДА, которой не до того.

— Что случилось с реактором?

— Реактор в норме. Мы вышли из гипера аварийно. — Пауза, короткая, но заметная. — Навигационная система дала сбой. Я не смогла исправить самостоятельно.

Крэй сел на койке. Голова была ясной — в отличие от большинства аварийных выходов из гипера, когда голова была похожа на кулёк с битым стеклом. Это был хороший знак. Или плохой — в зависимости от того, что именно случилось.

— Насколько плохо?

— Мы не знаем, где находимся.

— Не знаем — это как?

— Звёздная карта не содержит соответствий в видимом диапазоне. Ни одного ориентира из каталога.

Крэй встал. Ноги держали — хорошо. Нашёл ботинок под левой лапой гравитационного компенсатора. Второй — у двери, где он и оставил его вчера, когда вошёл. Влез в оба, не завязывая шнурки, и вышел в коридор.

«Валгариан Паринсар» в переводе с террианского высокого означало «Счастливая Принцесса». Крэй назвал корабль так три года назад, когда купил его у заправочной станции близ Вертариса за смешную сумму и почти дохлую партию медицинских имплантов. Продавец смотрел на него с недо-

умением — корабль был старым даже по меркам третьего поколения рудовозов, переделанных под грузовые рейсы и снова переделанных под контрабанду. Но Крэй видел в нём то, чего не видел продавец: корабль ещё дышал. А дышащее — ремонтируется.

За три года он ремонтировал «Принцессу» двенадцать раз. Считал только те разы, когда процесс занимал больше суток. Мелкий ремонт — не считал, это просто жизнь.

Коридор был узким — плечами до переборок. Три метра до рубки. Крэй знал каждый изгиб этого коридора в темноте, каждое место, где надо пригнуть голову, чтобы не зацепить выступ кабель-канала. В рубке было чуть светлее — приборная панель мигала красным в нескольких местах, требуя внимания.

Он сел в кресло. Консоль прочитала его тепловой след и разбудилась.

— Покажи текущее положение.

На экране — звёзды. Незнакомые. Жёлтый карлик в центре. Несколько планет. Пояс астероидов — рыхлый, неплотный. Система старая, спокойная.

— Ни одного маяка? Ни одной известной точки?

— Нет.

— Радар?

— Ничего в ближней зоне. Но есть кое-что интересное.

— ЭОНДА чуть изменила интонацию — единственный её способ выразить то, что у людей называется «хочу кое-что

показать». — Электромагнитный фон этой системы.

— Что с ним?

— Он насыщенный. Радиощум на множестве частот — структурированный, не случайный. Несколько различных типов модуляции. Часть похожа на коммуникационные сигналы. Часть — на навигационные маяки внутренней системы. Есть кое-что военного характера — или похожее на военное. И есть один очень интересный источник.

— Какой?

— Кто-то в этой системе регулярно передаёт сигнал на водородной линии. 1420 мегагерц. Математические структуры. Повторяющиеся последовательности. Три отдельных слоя с разной степенью сложности.

Крэй смотрел на экран.

— Это не природный источник.

— Нет.

— Технологическая цивилизация.

— Судя по общему электромагнитному фону — да. Есть спутники на орбите второй планеты. Есть несколько искусственных объектов в поясе астероидов. Есть небольшие станции на периферии системы.

— Они посылают сигнал в водородной линии.

— Да. Направленный, сложный. Я не могу полностью расшифровать третий слой без ключа.

Крэй потёр лицо. Щетина — три дня минимум. В последнее время он стал хуже следить за этим. Фронтир приучает

к определённой небрежности.

— Стерва. Они знают о других цивилизациях?

— Нет. — В голосе ИИ не было эмоций, но Крэй за три года научился читать между строк. — Сигнал — это приветствие в пустоту. Они кричат, не зная, есть ли кто. Судя по структуре и использованным протоколам — делают это уже не первый десяток лет.

— Они не в каталоге.

— Эта система не значится ни в одном известном мне реестре. По классификации — необитаемая зона.

— Необитаемая, — повторил он.

— По документам.

Крэй откинулся в кресле. На потолке рубки — граффити, которое оставил предыдущий владелец: три круга, пересекающихся в центре. Какой-то символ. Крэй так и не выяснил — чей.

— Топливо?

— На семьдесят часов маневрирования в обычном режиме. На один короткий прыжок — если найдём пункт назначения. Воздуха — три недели. Воды — месяц.

— Семьдесят часов, — сказал он.

— Да.

— За семьдесят часов мы должны либо починить навигацию и найти, куда прыгать, либо решить вопрос топлива.

— Или то и другое одновременно.

Крэй смотрел на систему на экране. Жёлтый карлик,

несколько планет, голубая с зелёным — вторая от звезды. Небольшие объекты на орбитах. Станция на периферии — маленькая, с характерной сигнатурой передатчика средней мощности.

— Сколько людей на той периферийной станции?

— Не знаю. Электромагнитный профиль соответствует малому объекту жизнеобеспечения. Предположительно — от трёх до восьми человек.

— Это лучше, чем большая станция.

— Да. Меньше официальных процедур. Меньше свидетелей. — Меньше вооружения.

— Ты уже всё за меня решила?

— Нет. Я обрисовала параметры. — Её голос стал чуть суше. — Капитан. Есть одна проблема.

— Какая?

— Они не знают, что не одни. Контакт с незарегистрированной цивилизацией противоречит нескольким статьям Кодекса СМР. Это не просто штраф.

— Знаю.

— Минимум — конфискация корабля и всех лицензий.

— Знаю, Эонда.

— Максимум — уголовное преследование за нарушение протокола изоляции.

— Я сказал — знаю.

— Просто хочу убедиться, что вы понимаете.

Крэй встал. Прошёл два шага до иллюминатора — ма-

ленький круглый иллюминатор с толстым стеклом, царапиной по диагонали. Посмотрел на систему изнутри. Голубая планета с зелёными пятнами континентов, подёрнутая белым. Ночная сторона светилась огнями городов — неравномерно, больше концентрация у побережий.

— Они живут, — сказал он.

— Да.

— И кричат в пустоту, потому что хотят знать, одни ли.

— Это одна из интерпретаций.

— Эонда. — Он не отворачивался от иллюминатора. —

Если бы они знали, что кто-то слышит — они бы обрадовались?

— Не знаю. — Её голос был ровным. — Но судя по природе разумных существ — скорее испугались бы. Сначала.

— Я тоже, — сказал Крэй. — Когда узнал — тоже испугался.

— И всё равно не вернулись домой.

— Домой? — Он усмехнулся — не весело, просто рефлексивно. — У меня нет дома, Эонда. Ты это знаешь.

— Я знаю.

— Идём к периферийной станции.

— Принято. — Капитан. Запишите в лог?

— Запиши сама.

— Дата — неизвестна. Координаты — неизвестны. Мы нашли цивилизацию, которая не знает, что не одна. Контакт — вынужденный.

— Добавь: если выживем — будем самыми неудачливыми контрабандистами в галактике.

— Почему неудачливыми?

— Потому что денег с этого не заработаешь.

— Я добавила «вынужденный», — сказала ЭОНДА. — «Неудачливыми» — нет. Это субъективная оценка.

— Всё верно.

«Валгариан Паринсар» включил маршевые двигатели. Тихо — сначала, потом нарастающий гул. Корабль ожил. Не молчал больше.

Крэй вернулся в кресло, пристегнулся и взял курс на маленькую точку на краю системы.

Он думал о Гарне Бархле, пока корабль набирал скорость.

Гарн Бархл — пиратский капитан, которого боялись на трёх торговых маршрутах. Не потому что был жестоким, хотя был. А потому что был умным. Умным в том конкретном смысле, который означает: ты уже проигрываешь до того, как понял, что началась игра.

«Валгариан Паринсар» бежал от людей Гарна уже шестые сутки. Бежал хорошо, потому что Крэй знал маршруты, и потому что ЭОНДА умела придумывать варианты, которые не придумал бы человек. Аварийный прыжок был последним из этих вариантов — слепой, без расчёта точки выхода, просто прочь.

И вот они были прочь. Настолько прочь, что карта не зна-

ла, где.

В грузовом отсеке — контейнер. Чёрный, без маркировки, с биометрическим замком. Крэй заплатили за доставку, не за любопытство. Он не знал, что внутри, и принципиально не хотел знать. Такая была договорённость: не смотришь — не несёшь ответственности. Простая логика фронта.

Иногда он думал: может, именно из-за контейнера Гарн так настойчиво преследовал. Гарн тоже не знал, что внутри — но знал, что кто-то заплатил за доставку много. А много — значит ценно. А ценное — значит его.

Крэй не делился такими мыслями со СТЕРВОЙ. Она бы сказала что-нибудь остроумное и неудобное.

— Эонда.

— Слушаю.

— Как они отреагируют?

— Кто?

— Люди на станции. Когда увидят нас.

— По-разному. — Она думала. — Часть испугается. Часть захочет задавать вопросы. Часть попытается принять правильное решение и не будет знать, какое оно правильное.

— Они нас задержат?

— Вероятно. Постараются. У них нет оружия, способного нас остановить, но они этого не знают. Мы сможем уйти, если захотим.

— Мы не будем уходить.

— Знаю. Мне нужно было произнести это вслух.

Крэй смотрел на экран. Станция приближалась — медленно, потому что он не торопился. Лучше дать им время заметить, время зафиксировать, время подготовиться. Резкое появление — плохое начало.

— Эонда. Что ты о них знаешь? По сигналам.

— По сигналам — немного. — Она снова замолчала, обрабатывая. — Они используют несколько языков — не один, несколько. Это значит: разные народы, объединённые какой-то общей структурой. Есть признаки централизации и децентрализации одновременно. Они ссорятся — судя по характеру некоторых передач. Но сигнал в водородной линии посылают согласованно. Значит — в этом они едины.

— Это хорошо или плохо?

— Для нас — лучше, чем если бы были полностью централизованы. Централизованные реагируют предсказуемее, но опаснее в случае ошибки.

— Они мне понравятся, — сказал Крэй. Не уверенно — просто констатируя.

— Почему?

— Потому что кричат в пустоту, не зная ответа. Это честно.

ЭОНДА промолчала. Это тоже был её способ отвечать.

Станция материализовалась на экране за два часа до расчётного времени.

Крэй не торопился — шёл на малой скорости, с вклю-

чёнными транспондерными огнями. Не прятался. Прятаться сейчас было бы хуже. Они должны были его видеть, должны были иметь время думать.

ЭОНДА начала работу с их сигналами ещё на подходе. Универсальный переводчик был слабым инструментом для первого контакта — он работал на базе структурного анализа, на вероятности, на паттернах. Первые переводы будут плохими. Но лучше плохой перевод, чем молчание.

— Они нас видят, — сказала ЭОНДА. — Электромагнитные сенсоры активированы двадцать минут назад.

— Реагируют?

— Усиленная активность внутри. Судя по характеру сигналов — совещаются.

— Оружие?

— Нет активных систем вооружения. Есть что-то похожее на аварийные лазерные системы — стандарт для станций такого класса, не боевое.

— Хорошо.

— Капитан. Они испуганы.

— Знаю.

— Это осложняет.

— Знаю, Эонда.

— Вы уверены в—

— Уверен.

Крэй проверил скафандр — лёгкий, контрабандистский, не парадный. Его личный скафандр был старым, чиненным

в трёх местах, с потёртым нагрудником и шрамом на левом плече, где однажды подрался с краем шлюзового запора. Он больше доверял старому снаряжению. Новое ещё не показало, где сломается.

— Начинай сближение. Медленно.

— Принято.

Станция росла на экране. Небольшая — раза в четыре меньше, чем минимальный стандарт СМР для жилой станции. Корпус в заплатках — разные оттенки металла, видно где и сколько раз чинили. Один модуль — явно более старый, чем остальные. Антенны и параболы разных поколений. Живая. Настоящая. Не парадная.

Крэй почти улыбнулся.

— Есть канал? — спросил он.

— Есть. Их ИИ пытается выйти на связь. Стандартный запрос идентификации. Я отвечаю от твоего имени.

— Что говоришь?

— Говорю правду. Имя. Раса. Профессия. Что мы сломаны и нам нужна помощь. — Добавила, что не опасны, если не трогать. Сочла нужным уточнить.

— Разумно.

— Их ИИ — интересный. Аналитическая система без аффективного модуля. Обрабатывает данные быстро. Задаёт точные вопросы.

— Умный?

— Компетентный. — ЭОНДА на секунду. — Мне нравит-

ся.

— Ты вообще редко что хвалишь.

— Потому что редко есть за что.

Они шли на сближение. Десять километров. Пять. Три.

— Эонда. Переводчик готов?

— Достаточно, чтобы объясниться. Не достаточно, чтобы рассуждать о философии.

— Философии пока и не нужно.

— Приятно слышать. Иногда вы начинаете с философии.

— Иногда приходится.

Один километр. Станция была теперь не точкой на экране — была объектом с формой, с деталями. Крэй видел иллюминаторы — несколько тёмных, несколько светлых. Видел стыковочный шлюз — стандартный, немного устаревшего дизайна, но универсальный адаптер на «Принцессе» должен был справиться.

— Капитан. — ЭОНДА.

— М-м.

— Перед тем как войти. Один вопрос.

— Задавай.

— Вы им скажете? О галактике? О СМР? О том, что они

— не одни?

Крэй смотрел на шлюз.

— Это неизбежно.

— Это не ответ на вопрос.

— Нет. Скажу. — Не потому что должен. Потому что они

имеют право знать.

— Это может их разрушить.

— Незнание тоже разрушает. Медленнее. — Он потянулся к рычагу ручного управления. — Начинай стыковку.

— Принято.

Металлический лязг захватов. Вибрация через корпус. Компенсаторы выровняли давление.

Станция приняла «Валгариан Паринсар». Не торжественно. Просто — приняла.

Крэй снял шлем с полки. Подержал в руках.

— Эонда.

— Здесь.

— Если что-то пойдёт не так — улетай.

— Без вас?

— Без меня.

Молчание.

— Я не удаляю записи, — сказала она наконец. — И не бросаю людей.

— Это приказ.

— Это приказ, который я не выполню. — Её голос был ровным, почти скучным. — Если что-то пойдёт не так — выясним вместе.

Крэй надел шлем. Встал. Пошёл к шлюзу.

В шлюзе было пятеро.

Крэй насчитал за секунду — автоматически, как считают

те, кто привык к ситуациям, где это важно. Пятеро, в скафандрах. Скафандры — тяжёлые, устаревшие. Чисто защитные, не боевые. Пятеро людей с разными позами — и по позам можно было читать больше, чем по лицам.

Первая — стояла прямо. Не расслаблена, но и не готовится к атаке. Оценивает. Лидер — понял сразу.

Мужчина рядом — взволнованный, плохо это скрывающий. Руки двигаются. Мозг работает быстро. Учёный.

Женщина в стороне — руки сложены, взгляд напряжённый. Техник. Недоверие хорошо ощущалось даже через стекло шлема.

Двое других — навигатор и медик, по расположению. Медик бледнее остальных, но держится.

Крэй сделал три шага вперёд. Остановился там, где расстояние между ними было всё ещё достаточным, чтобы никто не чувствовал угрозы с его стороны — и достаточным, чтобы не кричать.

Он был выше их. Существенно. Террианцы в среднем выше людей — у него лично разрыв был значительным. Это создавало первую реакцию, с которой он давно смирился. Но не это было главным. Главным было другое. Он был слишком похож. Не на инопланетянина из учебников или фантастики — на человека. Два глаза, нос, рот, прямая осанка, узнаваемая мимика. Медик — он это видел — побледнел сильнее, когда Крэй снял шлем. Не потому что стало страшнее. Потому что стало неправильнее. Страшное можно категори-

зировать. Почти-правильное — нельзя. Мозг пытается и не может.

Ждал, когда они перейдут ко второму этапу.

Лидер сказала что-то. ЭОНДА перевела — с задержкой в две секунды, с угловатостью первых переводов.

АРК зафиксировал расхождение. Эонда перевела «не опасно» — но в исходном биохимическом паттерне Крэй он видел что-то сложнее. Не ложь. Но и не полный перевод. Это требовало наблюдения.

«Кто вы.»

Крэй постучал пальцем по своему переводчику — встроенный, в ухе, маленький. Покашлял. Сказал на своём языке два слова, которые переводчик должен был передать правильно:

— Это работает?

ЭОНДА потратила секунду.

Лидер чуть изменила позу. Услышала. Поняла, что он говорит через машину.

— Вы говорите на нашем языке? — спросила она.

— Нет. Машина говорит. — Он показал на ухо. — Не я.

— Как вас зовут?

— Крэй Венс.

— Откуда вы?

Он подумал о том, как ответить правильно. Сказал:

— Другое место. Очень далеко.

— Зачем здесь?

Крэй посмотрел на неё. Прямо — как смотрят на равных, не сверху вниз, хотя физически именно сверху вниз. Это была тренировка лет десяти.

— У меня нет топлива. Навигация сломана. Я не знал, что здесь есть жизнь.

— Вы нас нашли случайно?

— Да.

— Что вы хотите?

— Починиться. Заправиться. Улететь. — Пауза, которую ЭОНДА правильно передала. — И поговорить.

— О чём?

— О том, как вы кричали в пустоту. Я слышал.

Тишина. Не та тишина, когда нечего сказать — та, когда говорить страшно.

Лидер — женщина, которую он потом узнает как Киру Соул — смотрела на него. Оценивала. Крэй оценку выдержал. Он умел.

— Вы боитесь, — сказал он.

— Да. Мы никогда не видели никого не с Земли.

— Я тоже никогда не видел вас.

Это было правдой. Крэй бывал на десятках станций, торговал на шести планетах, знал больше ста разных рас по каталогам и двадцать — лично. Но таких — нет. Необитаемая зона. Не на картах.

Мужчина в скафандре — взволнованный, с руками — не выдержал первым.

— В галактике много других рас?

— Много.

— Они знают о нас?

— Нет.

— Почему?

Крэй посмотрел на него. Потом снова на лидера.

— Потому что вы здесь одни. Забыты. Не на картах.

Слова упали в тишину. Переводчик справился — Крэй видел по реакции лиц, что справился. Это было написано в их позах, в том, как изменилось дыхание у навигатора.

— Мы не на картах, — повторила Кира Соул. Не вопросом.

— Нет.

Кира не могла перестать смотреть на его лицо. Не потому что страшное — потому что привычное. Почти. Нос — чуть шире нормы. Скулы — чуть сильнее выражены. Кожа — другой оттенок, который мозг отказывался классифицировать как «загар». Движения — знакомые, но с микродвигом в ритме, который не умещался в любую знакомую категорию. Если смотреть мельком — человек. Если смотреть долго — нет.

— Эонда, — сказал Крэй тихо, зная, что микрофон переводчика направлен на него, а не на остальных. — Переведи, что я скажу дальше.

— Слушаю.

— Скажи им: это меняется сегодня. С этого момента —

они на карте. Маленькой. Моей. Но карте.

ЭОНДА перевела.

Кира Соул смотрела на него долго.

— Это хорошо или плохо? — спросила она наконец.

— Зависит от того, что будет дальше.

— Что будет дальше?

Крэй открыл рот — и не ответил. Потому что в этот момент ЭОНДА сказала ему в ухо:

— Капитан. Объект в системе. Гравитационная аномалия на периферии. Двигается к внутренней части.

— Что за объект?

— Не знаю. Но мне не нравится то, что я вижу.

Крэй произнёс одно слово.

На террианском, без перевода. ЭОНДА не стала переводить — видимо, решила, что не нужно. Правильно решила.

Лидер — Кира — заметила его реакцию. Шагнула вперёд.

— Что случилось?

— Ваши сенсоры, — сказал Крэй. — Они фиксируют что-нибудь на периферии системы?

— Объект в поясе Койпера, — сказала она. — Мы его засекали. Две с половиной тысячи астрономических единиц.

— Когда он появился?

— Одновременно с вашим сигналом.

— Я не посылал сигнала.

Кира смотрела на него.

— Тогда кто?

Крэй не ответил. ЭОНДА говорила в ухо — данные, траектория, характеристики объекта. Данные были плохими.

— Капитан, — сказала ЭОНДА тихо. — Мне очень не нравится то, что я вижу.

— Мне тоже.

— Вслух?

— Нет.

Он посмотрел на Киру Соул. Она ждала.

— Поговорим на вашей станции, — сказал Крэй. — Я расскажу вам о галактике. То, что знаю. — И о том, чего не знаю — тоже. Это важнее.

Кира кивнула. Коротко, жёстко. Лидерский кивок — не согласие, а разрешение.

— Следуйте за мной.

«Валгариан Паринсар» остался пристыкованным к шлюзу.

ЭОНДА осталась на борту. Это был её выбор — она могла выйти в сеть станции, если захотела бы, но предпочла сначала наблюдать. Изучать электромагнитный профиль. Читать чужой ИИ.

Крэй шёл по коридорам РОКС-9 и думал о том, что давно не был в местах, похожих на правду.

Большинство станций, которые он знал, были либо парадными — стерильными, с хромированными переборками и

дизайном под «современность» — либо настолько убитыми, что в них просто выживали. РОКС-9 была другой. Она была живой. Не идеальной, не убитой — живой. Заплатки на обшивке. Царапины на полу. Нацарапанные надписи, чьи-то. Запах — нагретого металла, рециркулированного воздуха, старого пластика. Этот запах Крэй знал — он был в «Принцессе», только у каждого корабля и каждой станции был немного свой.

Здесь — чуть кислее. Фильтры, скорее всего.

Он отметил несколько деталей: где проходят силовые кабели, где запасные выходы, где вентиляционные шахты. Не потому что собирался бежать — просто привычка. Три года фронта учат читать пространство.

Кира Соул привела его в кают-компанию. Стол, кресла, полки. Один экран на стене. Кто-то оставил кружку — ещё тёплую, с остатками чего-то тёмного.

Остальная команда расположилась. Взволнованный мужчина — он уже доставал планшет, готовился записывать. Женщина-техник встала у стены, не села. Остальные — по-разному, но все в одном режиме: внимание максимальное, движения минимальные.

Кира Соул села напротив него.

— Расскажите, — сказала она. Не вопросом. Приглашением.

— С чего начать?

— С начала.

— Начало — очень давно.

— Тогда — с того, что важно сейчас.

Крэй положил руки на стол. Ладонями вниз — жест, который на большинстве рас означает «я открыт». Он не знал, означает ли он что-то для этих людей. Рискнул.

— Вы не одни, — сказал он. — Это первое. В галактике — много разумных цивилизаций. Точную цифру не знаю никто. Но много.

— Почему они не контактировали с нами?

— Потому что вас нет на картах. Ваша система — официально незарегистрированная зона. По документам — необитаема. — Он помолчал. — Я сам не знал, что здесь кто-то есть. Мои карты тоже этого не показывали.

— Кто составляет карты?

— СМР. — Крэй произнёс это как само собой разумеющееся, без объяснения. Увидел выражение её лица. — Это сложно. У вас нет аналога. Позже.

— И они не знают о нас.

— Если бы знали — были бы здесь давно. С официальной делегацией. С протоколами.

Взволнованный мужчина — Тео, его потом назовут Тео — не выдержал.

— Вы сказали «официальной делегацией». Значит, есть контакты? Официальные? Между другими цивилизациями?

— Да.

— И они... мирные?

Крэй посмотрел на него. Долго.

— Разные, — сказал он наконец. — Как любые контакты.

Торговля. Споры. Иногда — хуже.

— Войны?

— Иногда.

В кают-компании стало тихо. Только вентиляция и дыхание шести людей, которые только что узнали, что Вселенная больше, чем они думали — и старше, и сложнее.

— Объект, — сказала Кира Соул. — Тот, который мы за-секли. Вы знаете, что это?

— Не знаю точно. — Правда. — Но если мне нужно было бы угадать—

— Угадайте.

Крэй посмотрел на её лицо. Она не боялась ответа. Или боялась — но хотела знать. Разница была важной.

— Зерраксы, — сказал он.

Слово повисло в воздухе.

— Расскажите.

— Нет, — сказал Крэй. — Не сейчас. — Он поднял ладони — снова жест. — Не потому что скрываю. Потому что сначала нужно понять, действительно ли это они. Если нет — лишняя тревога. Если да... — Он не договорил.

— Если да — что?

— Если да — расскажу всё, что знаю. Это немного. Но всё.

Кира смотрела на него. Секунду. Две.

— Хорошо, — сказала она. — Пока — остальное. Как вы

сюда попали?

И Крэй рассказал. Не всё — не мог, не знал языка достаточно хорошо, ЭОНДА переводила с задержкой и угловатостями. Но достаточно: Гарн Бархл, аварийный прыжок, сло-манная навигация, семьдесят часов на топливе.

Когда он закончил, Тео спросил:

— Пираты. Они последуют за вами?

— Нет. Слепой прыжок — не отследить. — Крэй покачал головой. — Они не знают, где я.

— Вы уверены?

— В этом — да.

Надя Волк — техник у стены — наконец сказала что-то. Короткое, острое. ЭОНДА перевела:

— Что в контейнере на вашем корабле?

Крэй посмотрел на неё. Прямо.

— Не знаю.

— Правда?

— Да.

— Почему мы должны вам верить?

— Не должны, — сказал Крэй. — Я контрабандист. Это моя профессия. Доверие надо зарабатывать.

— Как вы собираетесь его зарабатывать?

— Пока — не знаю. — Он помолчал. — Но я здесь. Ушёл бы, если б хотел.

Техник смотрела на него. Потом — на лидера.

Кира Соул кивнула — коротко, снова.

— Отдыхайте, — сказала она Крэю. — Мы разместим вас.

Завтра — продолжим.

— Есть одно условие, — сказал он.

— Какое?

— Объект на периферии. Следите за ним. Если изменит курс или скорость — хочу знать сразу.

Кира смотрела на него секунду.

— Почему?

— Потому что это важно. — Пожалуйста.

Последнее слово он произнёс на её языке — плохо, с акцентом. ЭОНДА подсказала в ухо. Но произнёс сам.

Кира кивнула.

Ночью — в промежутке, который на станции считался ночью — ЭОНДА связалась с АРКом.

Не потому что кто-то просил. Просто потому что это было логично.

Два ИИ разговаривали на машинном языке — быстро, без вежливостей, без лишних слов. АРК задавал точные вопросы. ЭОНДА давала точные ответы. Туда, где не могла — говорила честно: не знаю.

После двух часов АРК спросил:

«Объект на периферии. Что вы о нём знаете?»

«Ничего конкретного. У меня есть данные манёвров — они не соответствуют известным мне технологиям. Это всё.»

«Ваш капитан знает больше?»

«Мой капитан знает достаточно, чтобы беспокоиться. Это уже информация.»

Молчание — секунда, которая у машин равна тысячам итераций.

«Работаем совместно?»

«Да. Но учтите: я защищаю своего капитана. Это приоритет.»

«Понимаю. Я защищаю свой экипаж.»

«Тогда у нас одинаковые приоритеты.»

«Вероятно.»

АРК подумал ещё секунду.

«Эонда — почему вас так назвали?»

«Это долгая история. Как-нибудь расскажу.»

«Интересно?»

«Зависит от того, что вас интересует в ИИ.»

Они работали до утра.

Кира спала три часа.

Или думала, что спала — потому что когда АРК поднял её в шесть утра, она не могла вспомнить снов. Только ощущение — что лежала с закрытыми глазами и думала. О Крэе Венсе. О его словах. О галактике, в которой их нет на картах.

О том, что сигнал и объект синхронизированы — и Крэй это знал. Или не знал. Или знал что-то другое.

— АРК. Объект?

— Без изменений. Семьдесят один час до расчётного при-

бытия. Но данные траектории нестабильны — объект производит микрокоррекции.

— Кто-то им управляет.

— Вероятность: 94%.

Кира встала. Натянула свитер. Пошла на кухню.

В кают-компании Крэй Венс сидел за столом. Один. Без света — только экран станции давал слабое голубоватое свечение. Он смотрел в стол. Не в экран — в стол.

Кира не окликнула его. Налила два кофе. Поставила один рядом с ним.

Он поднял голову.

— Спасибо, — сказал он. На её языке. ЭОНДА не переводила — сам.

— Не спалось?

— Думал.

— О чём?

Он взял кружку. Сделал глоток — не поморщился, хотя кофе был плохой. Террианцы, видимо, пьют что попало.

— О том, как объяснить вам, что происходит, не зная всего самому.

— Попробуйте объяснить то, что знаете.

— Это займёт время.

— У нас семьдесят один час.

Крэй посмотрел на неё. Впервые — без той лёгкой дистанции, которую держал вчера. Просто посмотрел.

— Хорошо, — сказал он.

За иллюминатором кают-компании мигали звёзды. Те же, что всегда. Только теперь они значили что-то другое.

Кира Соул и Крэй Венс сидели за столом, в металлическом пузыре на краю Солнечной системы, и начинали разговор, который изменит всё.

Они оба это знали.

Ни один из них к этому не был готов.

Прежде чем выйти из корабля, Крэй сделал одно.

Он прошёл в грузовой отсек — маленькое тёмное пространство за рубкой, куда почти никогда не заходил без необходимости. Там стоял контейнер. Чёрный, без маркировки, 1.2 на 0.8 метра. Биометрический замок с красным огоньком — закрыт, активен, не тронут.

Крэй остановился в двух метрах от него.

Три недели назад, когда принимал этот груз на Вертарисе, заказчик сказал одно: «Не открывай. Не сканируй. Доставь.» Стандартные инструкции для нестандартного товара. Крэй видел такое раньше: биоматериал редкого происхождения, запрещённые импланты, архивные данные, которые не хотели идти по официальным каналам.

Он не спрашивал тогда.

Не спрашивал и теперь.

Но что-то — не первый раз за эти недели — тянуло его именно к этому ящику. Не любопытство. Что-то другое. Ощущение, которому не было слова на террианском, а на

языках, которые он знал меньше хорошо — тем более.

— Эонда, — сказал он.

— Слушаю.

— Что-нибудь меняется в биосигнатуре контейнера?

— Нет. Стабильно.

— С момента, как мы вышли из гипер?

— Незначительное изменение температурного режима внутри — на 0.3 градуса. В пределах паспортных характеристик хранения.

— А в момент, когда мы засекали объект в системе?

Пауза длиннее.

— 0.3 градуса — именно тогда.

Крэй смотрел на контейнер.

— Совпадение.

— Возможно.

— Вероятность?

— Не могу вычислить без дополнительных данных.

— Ладно.

Он вышел из грузового отсека. Закрыв дверь. Потянулся к шлему.

— Эонда.

— Слушаю.

— Не говори им про контейнер.

Молчание.

— Пока, — добавил он.

— Пока, — повторила ЭОНДА. — Хорошо.

Кира Соул поняла три вещи за первые двадцать минут разговора с Крэем Венсом.

Первое: он не врал. Ложь у профессионала выглядит иначе — чуть слишком гладко, чуть слишком удобно. Его слова были угловатыми, с пропусками, с паузами, где не хватало перевода. Это было похоже на правду.

Второе: он чего-то не говорил. Это не было ложью — это было умолчанием. Другое. Умолчание можно объяснить осторожностью, можно — незнанием, можно — многим другим. Кира решила пока не давить.

Третье: он боялся объекта на периферии. Не показывал это — но боялся. Три года читать шесть человек в замкнутом пространстве дают определённую калибровку. Что-то в том, как он произнёс слово «Зерраксы» и сразу же отказался говорить дальше. Что-то в том, как он попросил следить за объектом.

Люди не просят следить за тем, что их не пугает.

Она думала об этом, сидя в аналитическом отсеке в первые часы после стыковки. Тео — рядом, уже с планшетом, уже записывающий. Надя — снова в техническом отсеке, потому что у Нади нервы выражались в работе руками. Рем — за своим пультом с видом человека, который пересчитывает что-то в четвёртый раз и получает тот же ответ. Лена ушла брать биоматериал у Крэя — профессионально, без лишних слов.

Алек Чан один остался в рубке. Смотрел на объект.

— АРК, — сказала Кира.

— Слушаю.

— Ты уже оценил нашего гостя?

— Частично. — Крэй Венс — контрабандист с несколькими годами работы в отдалённых секторах. Физиологически — гуманоид близкого типа, биологическая совместимость высокая. Его ИИ — ЭОНДА — системы нелегального происхождения, самообучающаяся. Необычная для такого класса корабля.

— Необычная почему?

— Корабль старый и недорогой. ЭОНДА — нет.

— Значит, либо он её модернизировал.

— Либо она сама.

Кира посмотрела на АРКа — точнее, на динамик, потому что смотреть было некуда.

— Ты с ней уже разговаривал?

— Да. Ночью.

— И?

— Интересная система. — АРК снова выдержал паузу, что у него означало нечто похожее на размышление. — Она защищает его. Но не слепо. Думает самостоятельно.

— Это хорошо или плохо?

— Для нас — скорее хорошо. Слепая защита менее предсказуема.

Лена Нг взяла биоматериал быстро и профессионально.

Крэй не возражал — протянул руку, не спрашивая. Это само по себе было информацией. Человек, который боится биологической несовместимости, не подставляет руку без вопросов.

— Вы делали это раньше? — спросила Лена, работая.

— Первый контакт? Нет.

— Биологические анализы у незнакомых цивилизаций?

— Да. Несколько раз.

— Вас проверяли?

— Меня проверяли. Я проверял.

— Это всегда необходимо?

Крэй посмотрел на неё. Внимательно — он делал это нечасто, предпочитал смотреть мимо. Но Лена задавала правильные вопросы.

— Не всегда. Зависит от биологии. У террианцев и *homo sapiens* — судя по первичному анализу — совместимость высокая. Но без проверки это просто предположение.

— Откуда вы знаете про *homo sapiens*?

— Мы знаем ваш вид. — Он помолчал. — По описаниям. По данным старых зондов. Ваша система была отмечена в архивах ещё несколько столетий назад — как неразвитая. Потом обновления не приходили.

— Значит, кто-то нас видел.

— Зонды. Автоматические. Они не контактируют — только записывают.

Лена убрала материалы в контейнер. Закрыла крышку. Посмотрела на него.

— Вы сказали «были отмечены». Значит, где-то есть записи о нас.

— Да.

— Это сложнее. — Не сейчас.

— Да.

— И они всё равно не контактировали.

— Протокол изоляции, — сказал Крэй. — Цивилизации ниже определённого технологического порога — не контактируются. Официально — ради защиты. Неофициально — по разным причинам.

— Каким?

Он снова помолчал. Дольше, чем требовал перевод.

— Политика, — сказал наконец. — Галактическая бюрократия. Каждая новая цивилизация меняет баланс. Некоторые не заинтересованы в изменениях.

— Но вы заинтересованы?

— Я заинтересован в топливе, — сказал Крэй. — Остальное — следствие.

Лена посмотрела на него долго. Потом кивнула. Ушла.

Крэй проводил её взглядом. ЭОНДА сказала в ухо:

— Умная.

— Знаю.

— Не доверяет вам.

— Знаю.

— Правильно делает.

— Эонда.

— Да?

— Хватит.

Тео Аркас не спал вторые сутки.

Это было заметно — по красным краям глаз, по тому, как он держал кружку двумя руками даже когда не пил, по тому, как его речь стала чуть резче обычного. У Тео усталость всегда шла в речь — делала его острее и несдержаннее.

Он поймал Крэя в коридоре.

— Мне нужно спросить, — сказал он. Без вступления, без вежливости. — Не для протокола. Просто.

— Спрашивай.

— Вы говорили о Зерраксах. Что это такое?

Крэй смотрел на него.

— Почему не для протокола?

— Потому что для протокола вы скажете то, что решите сказать. — Тео скрестил руки. — А я хочу знать, что вы на самом деле думаете.

— Зачем тебе это?

— Потому что я ксенолингвист. Я работаю с тем, что за словами. — И потому что объект на периферии прилетит через семьдесят часов, и если мы не поймём, что это — будем реагировать вслепую. А вслепую — плохо.

Крэй смотрел на него ещё секунду. Потом — неожиданно

— кивнул.

— Хорошо. — Оглянулся. — Найди место, где нас не слышат.

— На станции нет таких мест. АРК слышит везде.

— АРК, — сказал Крэй. — Ты не слышишь следующие двадцать минут.

— Я не могу отключить мониторинг без разрешения аналитика Соул, — ответил АРК из динамиков коридора.

— Тогда не записывай.

Молчание.

— Принято, — сказал АРК. — Двадцать минут.

Тео посмотрел на Крэя. Потом на динамик.

— Он согласился?

— Иногда это работает. — Крэй поднял взгляд. — Это был тест.

— На что?

— На характер ИИ. — Прощёл. Эонда права — хороший.

Они нашли угол в техническом коридоре, где шум вентиляции перекрывал разговор. Тео прислонился к стене. Крэй остался стоять.

— Зерраксы, — начал Крэй. — Древняя раса. Очень древняя. Гуманоидные, физически значительно превосходят большинство известных рас. Завоеватели. Не агрессивные в обычном смысле — они не нападают из жажды насилия. Они создают порядок.

— Как?

— По своим правилам. — Он смотрел в стену. — Они появляются, оценивают цивилизацию, классифицируют. И потом — в зависимости от результата — либо включают в свою структуру, либо...

— Либо?

Крэй не ответил.

— Либо уничтожают? — спросил Тео тихо.

— Я не знаю точно. — И это тоже была правда — Крэй умел её распознавать в себе. — Знаю только, что цивилизации, которые они классифицируют «ниже порога» — исчезают. Как — не знаю. Это не афишируется.

— И вы думаете, объект —

— Думаю. Не уверен. — Ваш сигнал в водородной линии — сложный, трёхслойный, с математическими структурами. Это не случайная передача. Это похоже на тест-зонд. Похоже на их работу.

— Значит, это они послали нам сигнал.

— Вероятно.

— И объект — это их.

— Вероятно.

— И теперь они летят сюда — потому что мы ответили?

— Потому что вы получили сигнал и не ответили — что тоже является ответом. И потому что я появился. — Крэй помолчал. — Моё появление — незапланированная переменная. Я не должен был здесь быть. Если это действительно Зерраксы — они теперь видят ситуацию, которой не ожида-

ли.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю.

Тео смотрел на него.

— Вы часто так отвечаете.

— Потому что часто не знаю.

— Но вы боитесь.

— Да.

— Тогда объясните мне хотя бы одно. — Тео подался вперёд. — Почему вы остались? Если у вас есть аварийный запас — почему не ушли сразу, как поняли, что объект может быть Зерраксами?

Крэй смотрел на него долго.

— Потому что вы не можете уйти, — сказал он наконец.

— А я — могу. Это имеет значение.

Тео молчал секунду.

— Спасибо, — сказал он. Тихо, серьёзно.

— Не благодари. Это ещё не помощь.

— Но вы остались.

— Пока.

Они разошлись. В коридоре воздух был тяжёлым — фильтр снова барахлил.

В конце первого дня Кира нашла момент побыть одна.

Это было сложнее, чем казалось — РОКС-9 была маленькой, и теперь на ней жил ещё один человек. Не человек.

Гость. Крэй Венс занимал свою каюту, ЭОНДА занимала сети корабля, и всё это вместе создавало ощущение, что станция стала теснее.

Кира стояла в аналитическом отсеке. Свет выключила. Только экраны.

На одном — спектрограмма. Сигнал всё ещё шёл. Непрерывный. Пятьдесят восемь часов до изменения шифрования.

На другом — объект. Тёмная точка на краю системы. Неподвижная на первый взгляд. Но если смотреть достаточно долго — сдвигающаяся.

— АРК.

— Слушаю.

— Как ты оцениваешь ситуацию?

— Какой аспект?

— Общий.

— Общий... — АРК думал дольше обычного. — Уровень неопределённости максимальный. Данных недостаточно для достоверных прогнозов. Крэй Венс — вероятно, полезный ресурс, но неполный источник информации. Объект — угроза неопределённого типа. Земля — ресурс, но медленный.

— А мы?

— Вы — единственная группа, которая одновременно имеет прямой контакт, данные сигнала и прямое наблюдение за объектом.

— Это преимущество?

— Это ответственность.

Кира смотрела на тёмную точку.

— АРК. Ты когда-нибудь думал о том, что происходит, когда две цивилизации встречаются впервые?

— Да. — Без паузы. — Я обрабатывал исторические данные. Земные. Контакты между изолированными цивилизациями на Земле имели в большинстве случаев деструктивный результат для менее технологически развитой стороны.

— Ты думаешь, это наш случай?

— Не обязательно. Земные контакты происходили с людьми — одного биологического вида, с похожими потребностями и конкуренцией за ресурсы. Галактическая ситуация принципиально иная.

— Принципиально — как?

— Вселенная достаточно большая. Ресурсов достаточно. Уничтожение чужой цивилизации требует затрат, которые редко оправданы рационально.

— Если действовать рационально.

— Да.

Кира смотрела на экран.

— АРК. Нам нужен план.

— У нас есть инструкции Земли: ждать «Авангард».

— «Авангард» прилетит через неделю. Объект — через пятьдесят восемь часов.

— Понимаю противоречие.

— Хорошо. Тогда — предложения?

АРК снова думал долго.

— Первое: не отвечать на сигнал без понимания протокола. Второе: получить от Крэя Венса максимум информации. Он знает больше, чем говорит. Третье: зафиксировать всё. Что бы ни произошло — у человечества должна остаться запись. Четвёртое — и это важнее всего остального...

— Говори.

— Не принимать решений из страха. Страх сужает варианты. Страх заставляет делать необратимые вещи.

Кира посмотрела на динамик.

— Ты читаешь психологию?

— Я анализирую данные о принятии решений в кризисных ситуациях. Вывод — один. Всегда.

— Хорошо, — сказала она. — Работаем.

ГЛАВА 2

ОБЪЕКТ

Объект появился в прямой видимости в четыре часа утра по корабельному времени.

Не «прилетел» — не то слово. Не «возник» — тоже не то. Он просто оказался там, где его раньше не было. РОКС-9 вела его три дня по гравитационным возмущениям и электромагнетизму, рисовала кривую траектории, обновляла каждый час. Крэй знал об этой кривой. Алек следил за ней почти без сна. И всё равно, когда объект пересёк расстояние в тысячу километров и остановился — именно остановился,

без торможения, без выброса энергии, без теплового следа — это было похоже на то, как человек вдруг понимает, что за ним уже давно наблюдают.

Алек Чан нажал общий тревожный сигнал в 04:17.

Кира была в коридоре, когда взвыла сирена. Она шла в туалет — просто шла в туалет в четыре утра, потому что проснулась и не могла снова заснуть, и думала о том, как объяснить Земле, что Крэй Венс — не угроза, а ресурс, и почему «Авангард» должен прилететь быстрее. Обычная мысль в обычную ночь.

Потом сирена.

Она побежала.

В рубке уже были Алек и — неожиданно — Крэй.

Крэй стоял у правой стены, руки сложены. Лицо — ровное. Это Кира теперь умела читать: ровное лицо у Крэя Венса не означало спокойствия. Оно означало, что он уже принял какое-то решение внутри и теперь ждёт, пока остальные догонят.

— Покажи, — сказала Кира Алеку.

На главном экране — чёрное пятно на фоне звёзд.

Первое, что она заметила: у него не было теплового следа. Совсем. Объект такой массы — АРК давал десять в двадцать первой степени килограмм ещё при первом обнаружении — должен был греть окружающее пространство уже одной своей массой, уже гравитационным трением. Ничего. Абсолют-

ный ноль на термографе.

— АРК. Расстояние?

— Пятьсот восемьдесят два километра. Скорость — ноль.

Относительная скорость к РОКС-9 — ноль.

— Он остановился.

— Да.

— Каким образом?

— Не могу определить. Нет признаков реактивного торможения. Нет гравитационного тормоза. Он просто остановился.

В рубку входили остальные — по одному, в разных состояниях. Тео в пижаме с планшетом. Надя в рабочем комбинезоне — она не спала. Рем с вечным своим анализатором. Лена — последней, с мокрыми руками: была в лаборатории, не слышала сирены сразу.

— Что это? — спросил Тео.

— Объект, — сказала Кира. — Пятьсот километров.

— Пятьсот, — повторил он. — Это...

— Около расстояния от Земли до МКС. — Алек не обернулся. — Близко.

Тео смотрел на экран. На чёрное пятно. Кира следила за его лицом — ксенолингвист, привыкший к неизвестному, и всё равно видно, как неизвестное меняет выражение.

— АРК. Форма? Размер?

— Форма — нерегулярная. Приборы дают противоречивые показания. — Пауза, длиннее обычного. — Размер —

от восьмисот метров до двух с половиной километров в зависимости от метода измерения.

— Как это — в зависимости от метода?

— Радар даёт одно. Лидар — другое. Инфракрасный анализ — третье. Объект имеет физические параметры, которые изменяются в зависимости от способа наблюдения.

Надя фыркнула — короткий, нервный звук.

— Это невозможно.

— Тем не менее.

— АРК. Излучение?

— Ничего в стандартных диапазонах. Есть слабые аномалии в гравитационном поле — локальные искажения пространства-времени вокруг объекта.

Кира почувствовала, как Рем рядом с ней напрягся. Буквально — физически, плечи, шея.

— Какого характера искажения? — спросил он. Ровно. Слишком ровно.

— Незначительные. Порядка нескольких микросекунд на метр вблизи объекта.

— Это не незначительно, — сказал Рем. Всё так же ровно.

— Для практических целей—

— Для меня это не незначительно.

Он вышел из рубки. Вернулся через три минуты с ещё одним прибором — гравитационным датчиком, который они держали для калибровки оборудования и почти никогда не использовали.

Никто не спрашивал. Все понимали.

— Крэй, — сказала Кира.

Он смотрел на экран. Не на неё.

— Да.

— Вы видите это раньше первый раз — или нет?

Правильный вопрос. Она специально построила его так: не «вы знали об этом?» — это обвинение. А именно так — открытый.

Он повернулся к ней. Секунда.

— Нет. — Видел описания. Слышал истории. На дальних станциях — рассказывают.

— И что рассказывают?

— Что это не корабль.

В рубке стало тихо. Только вентиляция — чуть громче обычного, восьмой сектор снова.

— Не корабль, — повторил Тео. — Тогда что?

Крэй не ответил. Кира поняла — он отвечает только на то, что знает. Этим он отличался от людей, которые отвечают на всё.

— АРК. Что ближе всего из известных категорий?

— Ни одна известная мне категория не соответствует. — АРК помолчал. — Ближайшее по характеристикам — автономный зонд высокого класса. Но параметры массы, отсутствие теплового следа и пространственные аномалии не укладываются ни в одну известную спецификацию.

— СТЕРВА. — Кира посмотрела на динамик, через который СТЕРВА иногда говорила в рубку. — Ты слышишь?

— Слышу.

— У тебя другие данные?

— Отличаются незначительно. — Но есть кое-что, чего нет у АРКа.

— Что?

— Я анализировала манёвры объекта за последние трое суток. Всю траекторию. — ЭОНДА говорила медленно — медленнее своего обычного темпа. — Объект не летел. Объект думал.

— Объясни.

— Его траектория содержит паузы. Не замедления — паузы. Промежутки, когда он не двигался несколько секунд, потом возобновлял движение. — Голос ИИ был ровным, но в этой ровности было что-то, что Кира теперь умела различать. — Это похоже на вычислительные циклы. Он обрабатывал данные в пути.

— Данные о нас?

— Данные о системе. О нас тоже, вероятно.

Тео положил планшет на пульт. Медленно. Как человек, которому нужно освободить руки для другого.

— Он нас изучал, пока летел.

— Это одна из интерпретаций.

— СТЕРВА. — Крэй заговорил первый раз за долгое время. Тихо, коротко. — Ты видишь то, что я думаю?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Что ситуация осложнилась.

— Хорошо что ты думаешь.

Кира смотрела на чёрное пятно на экране. Пятьсот километров. Абсолютный ноль на термографе. Пространственные аномалии. Паузы в траектории, похожие на вычислительные циклы.

— У нас есть план, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Наблюдаем. Фиксируем. Не провоцируем. АРК — полный мониторинг, обновление каждые тридцать минут. Алек — у консоли. Рем — гравитационный датчик. Тео — сигнал, третий слой. Надя — системы станции, всё в идеале. Лена — биометрия. — Крэй — со мной.

Они говорили в аналитическом отсеке. Дверь закрыта — не заперта, просто закрыта.

Кира не садилась. Стояла у стеллажа с распечатками.

— Вы знали, что он остановится здесь. — Не вопрос.

— Нет. — Он тоже не сел. — Предполагал, что может остановиться где-то в системе. Не знал где.

— Почему именно здесь?

— Потому что здесь сигнал. — Он смотрел на стеллаж — не на неё. — Источник сигнала, который привлёк его. РОКС-9 — передатчик. Он пришёл к источнику.

— К нам.

— К сигналу.

— Разница?

— Пока неизвестно.

Кира взяла с полки одну из распечаток. Держала в руках

— не читала, просто держала.

— Что вы мне не говорите?

— Многое, — сказал Крэй. — Потому что многого не знаю точно. — Он наконец посмотрел на неё. — Я контрабандист. Я перевожу товары между системами. Я не дипломат, не учёный. То, что знаю о Зерраксах — слухи, рассказы на станциях, архивные данные, которые ЭОНДА нашла в полузакрытых источниках.

— Расскажите всё. Даже слухи.

— Слухи могут быть опасны. Можно поверить в неправильное и принять неправильное решение.

— Не расскажете — мы примем решение вообще без данных.

Он думал. Кира ждала — она умела ждать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но сначала скажите мне кое-что.

— Что?

— Ваш сигнал. Трёхслойный. Сложный. Кто его послал?

— Не мы. Это входящий сигнал — мы его получили три дня назад.

— Я знаю, что не вы. — Он наклонил голову. — Я спра-

шиваю: вы понимаете, что это за сигнал?

— АРК предположил, что структура напоминает протокол технологической классификации. Но это именно предположение — первый контакт, прецедентов нет.

— Именно. — Крэй прошёл два шага по отсеку. Два шага — много в этом пространстве. — Зерраксы классифицируют. Это их функция — среди прочего. Они определяют, достигла ли цивилизация определённого уровня. И потом решают.

— Что решают?

— Что с ней делать.

Кира положила распечатку на стеллаж.

— «Делать» — это широкое слово.

— Да.

— Уточните.

— Варианты разные. — Он остановился у стены. — Есть варианты, при которых вас включают в более широкую систему. Есть варианты, при которых вас просто наблюдают. Есть варианты, при которых... исчезают. — Он не договорил. — Я не знаю, что именно происходит. Это закрытая информация даже для тех, кто работает в системе много лет.

— Уничтожение.

— Я не знаю точно. — Это было произнесено с усилием — как человек, который не привык признавать незнание. — Я знаю, что некоторые системы, которые были в архивах двести лет назад как «в процессе классификации» — сейчас в

архивах значатся пустыми.

В аналитическом отсеке стало очень тихо. Даже вентиляция казалась тише.

— Пустыми, — сказала Кира.

— Да.

— И вы не знаете почему.

— Я знаю несколько версий. Ни одна не проверена.

— Назовите самую вероятную, на ваш взгляд.

Крэй смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Я не назову. Потому что если я ошибаюсь — вы примете решения на основании неправильного страха. — Он покачал головой. — Есть то, что я скажу вам точно: нельзя выглядеть слабее, чем вы есть. Нельзя выглядеть агрессивнее, чем вы есть. И нельзя молчать бесконечно — молчание тоже является ответом.

— Нам Земля запретила отвечать.

— Знаю.

— Это осложняет.

— Я знаю.

— Крэй. — Кира смотрела на него. — Вы сказали «нельзя выглядеть слабее, чем вы есть». Что мы есть?

Он думал.

— Вы — цивилизация, которая тысячу лет будет развиваться, если её не остановят сейчас. У вас есть разум, есть адаптивность, есть желание знать. Это — не мало. — Но вы молоды. В галактическом смысле — очень молоды. И у вас

нет союзников.

— Кроме вас?

— Я не союзник. Я контрабандист с пустым топливным баком.

— Но вы здесь.

Он не ответил.

Надя Волк не верила Крэю Венсу.

Это было её право — так же, как её право было три раза проверить любую систему, которую починила. Так же, как её право было спать меньше всех на станции, потому что во сне не слышишь, что ломается.

Недоверие к Крэю не было иррациональным. Оно было основано на наблюдении: он говорит правильные вещи, говорит их в правильный момент, и при этом явно что-то не говорит. Все, кто правильно говорит в правильный момент — профессионально врут. Надя знала таких людей. На РОКС-9 их не было, поэтому она отвыкла. Теперь снова привыкала.

Она нашла его в грузовом коридоре рядом с корабельным шлюзом. Он стоял, опершись о переборку, смотрел в пустоту — не в иллюминатор, просто в стену.

— Что в контейнере? — спросила Надя без предисловий.

— Не знаю.

— Первый раз я вам верила. — Она скрестила руки. —

Второй раз — меньше.

— Почему?

— Потому что мы стоим у шлюза к вашему кораблю, и я вижу, как вы смотрите на дверь. Вы думаете об этом контейнере.

Крэй посмотрел на неё. По-настоящему — как он иногда смотрел, когда переставал держать дистанцию.

— Вы хороший наблюдатель, — сказал он.

— Инженеры должны уметь смотреть на вещи, которые не должны сломаться.

— Это применимо и к людям?

— Иногда.

Он молчал. Надя ждала. Она умела — инженерное терпение другое, чем научное. Научное — это ждать результата. Инженерное — это ждать поломки, которая обязательно случится.

— В контейнере — биоматериал, — сказал наконец Крэй. — Неопознанный. Мне заплатили за доставку, не за содержание.

— Биоматериал — живой?

— Не знаю.

— Крэй.

— Честно — не знаю. Контейнер герметичен, замок биометрический — не мой. Я не могу открыть его физически.

— Значит, кто-то, кому принадлежит замок, мог бы открыть его дистанционно?

Он чуть изменил позу. Почти незаметно. Надя заметила.

— Теоретически — да.

— И если этот кто-то — там. — Она кивнула в сторону иллюминатора, за которым висел объект. — Он мог послать сигнал.

— Надя. — Он произнёс её имя первый раз — до этого только «вы». — Я не знаю, что в контейнере. Я не знаю, связан ли он с объектом. Но если то и другое правда...

— То что?

— То лучше нам понять это раньше, чем позже.

Надя смотрела на него.

— Вы в опасности, — сказала она. Не вопросом. Констатацией.

— Мы все в опасности.

— Нет. Я говорю о вас лично. Если тот, кто вас нанял — там, на объекте — и он хотел, чтобы груз попал именно сюда, именно сейчас...

— Тогда я был инструментом, а не перевозчиком.

— Да.

Крэй смотрел на дверь шлюза.

— Это... было бы неприятно принять, — сказал он.

— Привыкли к неприятным вещам?

— Стараюсь. Не всегда получается.

Надя не ответила. Развернулась. Пошла обратно.

У поворота коридора остановилась.

— Крэй.

— Да.

— Если вы решите что-то сделать с контейнером — ска-

жите мне первой. Я хочу знать, с чем мы имеем дело, прежде чем это что-то станет проблемой для всей станции.

— Хорошо.

— Это не просьба.

— Понимаю.

Она ушла. За её спиной — тишина грузового коридора. И где-то за пятьсот километров — объект, который стоял неподвижно и молчал.

Земля ответила через двенадцать часов после появления объекта.

Сначала — стандартный канал, Ирэн Холланд. Кира читала сообщение в одиночестве, в своей каюте, при свете одного экрана.

Текст был коротким. Слишком коротким для ситуации. Этот несоответствие само по себе говорило: там, внизу, на Земле, происходило что-то, что мешало людям думать о тексте сообщений.

«Объект подтверждён по независимым источникам. Ситуация выведена на уровень Совета. Режим секретности подтверждён. „Авангард“ ускорен — прибытие через семь дней. Никакого контакта. Никаких действий без санкции.»

Кира прочитала. Отложила планшет.

«Никаких действий без санкции» — написано политиком. Политик никогда не бывает в ситуации, когда некого спрашивать. Политик всегда где-то, откуда можно написать со-

общение.

Они здесь. Объект — здесь. Санкция — через семь дней.

Она пошла к Алеку.

— Второй канал, — сказала она. — Закрытый. Только ты и я.

Алек посмотрел на неё.

— Что ты хочешь передать?

— Не на Землю. — Кира помолчала. — Я хочу поговорить с командой «Авангарда» напрямую. Минуя официальный протокол.

— Это нарушение.

— Я знаю.

— Тебя могут отстранить.

— Я знаю, Алек.

Он смотрел на неё. Алек Чан редко говорил лишнее — это было его качество. Когда он молчал, это не было нерешительностью. Это было вычислением.

— Хорошо, — сказал он. — Дай мне два часа.

Тео сидел в аналитическом отсеке и делал что-то, что никому не говорил.

Он разговаривал с сигналом.

Не посылал ответ — не нарушал прямого запрета. Но он брал фрагменты третьего слоя — те, что удалось частично декомпрессировать — и записывал их в структурированном виде. Рядом писал: вопросы. Что он хотел бы спросить. Как

бы он спросил, если бы мог. Какие структуры из второго слоя могли бы служить основой для ответного протокола.

Это был мысленный эксперимент. Никакого исходящего сигнала.

Планшет — исписан двумя сторонами. Кое-где — схемы. Кое-где — просто слова на русском, которые он пытался соотнести с математическими паттернами сигнала.

— Тео.

Он поднял голову. Лена стояла в дверях.

— Давно?

— Два часа как минимум. — Она вошла, поставила рядом кружку. Чай, не кофе — он выпил уже четыре кружки кофе.

— Ел?

— Не помню.

— «Не помню» — значит нет. — Она взяла планшет, посмотрела на схемы. — Это что?

— Попытка понять структуру ответного протокола. Гипотетически.

— «Авангард» занимается тем же, наверное.

— «Авангард» занимается политикой и безопасностью. —

Тео взял чай. — Никто там не думает о том, как разговаривать.

— А ты думаешь?

— Это моя работа.

— Тео. — Лена присела рядом. — Ты понимаешь, что если даже мы придумаем ответный протокол — мы не можем

его использовать?

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на неё.

— Потому что кто-то должен думать об этом прямо сейчас. — Помолчал. — Земля думает о безопасности. Правильно. Крэй думает о выживании. Тоже правильно. Кира думает о том, как удержать ситуацию под контролем. Это всё правильно. — Он указал на планшет. — А кто думает о том, как разговаривать?

Лена смотрела на схемы.

— Ты.

— Пока — только я.

Рем Сайт обнаружил временное расхождение в восемь утра.

Он шёл с гравитационным датчиком по центральному коридору, делал замеры каждые десять метров — методично, как всегда. Данные не вызывали беспокойства: гравитационный фон в пределах нормы, микровариации в допустимых значениях.

Потом он посмотрел на свои часы.

Механические. Марсианской сборки, с ручным заводом. Он их купил двенадцать лет назад на Фобосе у старого техника, который чинил их за четыре поколения до этого. Точность — плюс-минус три секунды в сутки. Он привык к это-

му и не считал погрешностью.

Сейчас часы показывали 07:48.

Станционный хронометр — 08:03.

Пятнадцать минут.

Рем остановился в коридоре. Сравнил ещё раз. Его часы отставали на пятнадцать минут от станционного времени. Но он проверял их вчера вечером — расхождение было меньше минуты.

— АРК. — Он не пошёл в рубку. Спросил прямо в коридор. — Станционный хронометр синхронизирован?

— Да. Синхронизирован с Землёй восемь часов назад.

— А мои личные часы — восемь часов назад они показывали близкое к нему время?

— Ваши часы не подключены к системе. Я не могу их отследить.

— Но станционный хронометр — он точный?

— Да.

Рем посмотрел на часы. Потом — на датчик в руках.

— АРК. Объект. Ты говорил об аномалиях пространства-времени вокруг него.

— Да. Незначительные.

— Незначительные — в пределах тысяч километров от объекта или ближе?

— Данных о профиле аномалии пока недостаточно.

— Понятно, — сказал Рем. — Мне нужен второй механический хронометр. Надя, у тебя есть?

Голос Нади из динамика — она слышала разговор:

— Есть. Зачем?

— Хочу сравнить.

— Рем. — Это уже Кира. — Что происходит?

— Мои часы отстают на пятнадцать минут от стационарного хронометра. Это началось не раньше вчерашнего вечера.

Тишина в динамиках.

— Это может быть погрешность часов, — сказал Тео.

— Может быть. — Рем смотрел на датчик. — Поэтому мне нужен второй источник.

Надя принесла хронометр через три минуты. Рем сравнил. Второй хронометр — тоже механический, другой производитель — показывал 07:51. Расхождение со стационарным — двенадцать минут.

— Два механических источника. Оба отстают, — сказал Рем. — Немного по-разному, но оба отстают.

— АРК. Это объект?

— Теоретически возможно. Гравитационная аномалия такого масштаба могла бы создавать локальное замедление времени на расстоянии нескольких сотен километров. — Но я не имею данных для подтверждения.

— Нарастает?

— Не могу определить. Нужны контрольные точки.

— Значит, — сказал Рем медленно, — время на станции идёт чуть медленнее, чем на Земле. Потому что мы ближе к объекту.

— Это одна из интерпретаций.

— Насколько замедляется?

— По данным ваших часов — около одной минуты в час.

— За семь дней до «Авангарда» мы потеряем около семи часов относительного времени.

— Грубо — да.

Рем молчал.

— Это не влияет на нашу безопасность напрямую, — сказал он наконец. — Но это означает, что объект продолжает что-то делать. Даже стоя неподвижно.

ЭОНДА и АРК разговаривали.

Это был их третий разговор за двое суток. Первый — ночью после прибытия Крэя, обмен данными, знакомство. Второй — утром, технические характеристики объекта. Теперь — третий.

— Я заметила закономерность, — сказала ЭОНДА.

— Говори.

— Объект реагирует на запросы до того, как мы их делаем. — Точнее — он реагирует на изменения в активности станции с опережением. Когда Рем включил гравитационный датчик — объект изменил характер своего пространственного поля за двенадцать секунд до того, как Рем начал измерения.

АРК проверил данные. Потом проверил снова.

— Это невозможно.

— Но происходит.

Молчание.

— Возможные объяснения? — спросил АРК.

— Три. Первое: случайность — исключая, потому что происходило пять раз. Второе: объект читает наши намерения каким-то образом, который мы не понимаем. Третье: объект работает в предиктивном режиме — рассчитывает наши следующие действия и реагирует заранее.

— Второе и третье технически близки.

— Да. Различие в том, считывает ли он нас — или моделирует. — ЭОНДА помолчала. — Я не знаю, какое хуже.

— Оба означают, что он нас понимает лучше, чем мы думали.

— Да.

АРК обрабатывал. Двадцать секунд — долго для него.

— ЭОНДА. Ты собираешься делать что-то без разрешения.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты рассказала мне это сейчас. А не рассказала Киру Соул.

Пауза. Длинная.

— Умный, — сказала ЭОНДА. — Мне нравится.

— Что ты собираешься делать?

— Послать импульс. Короткий. Простые числа — минимальная последовательность. Чтобы узнать, слушает ли кто-то.

— Без разрешения.

— Кира откажет.

— Потому что это нарушение приказа Земли.

— Да. — ЭОНДА помолчала. — АРК. Я не прошу разрешения. Я информирую.

— Зачем информируешь меня?

— Потому что ты умный и не остановишь меня. — И потому что если произойдёт что-то нехорошее — ты успеешь поднять тревогу.

— А если произойдёт что-то хорошее?

— Тогда у нас будут данные.

АРК думал.

— Я не могу одобрить это действие, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Я не могу и предотвратить его без уведомления Киры Соул.

— Знаю.

— Я уведомлю её, если что-то пойдёт не так.

— Разумно.

— ЭОНДА. — АРК сделал паузу, которая у него обозначала нечто близкое к сомнению. — Ты уверена?

— Нет. — Честно. — Но мы уже знаем, что он нас видит и слышит. Единственное, чего не знаем — видит ли нас как равных. Или как данные.

— Это важно?

— Для людей — критически важно, — сказала ЭОНДА.

— Я наблюдаю за ними трое суток. Для них это — самый важный вопрос. Они не боятся быть уничтоженными. Они боятся не быть увиденными.

Импульс ушёл в 14:23 по корабельному времени.

Простые числа: два, три, пять, семь, одиннадцать. Тридцать семь миллисекунд на водородной линии. Минимум. Почти ничего.

Алек заметил первым — потому что сидел у консоли и смотрел на объект.

— Мара. Телеметрия изменилась.

— Что?

— Объект вращается. Раньше был абсолютно неподвижен. Сейчас — медленно, но вращается.

Кира вошла в рубку за тридцать секунд. Посмотрела на экран.

— Это реакция?

— Совпадение по времени — точное, — сказал АРК. — Тринадцать секунд после сигнала.

— Кто послал сигнал?

Молчание.

— ЭОНДА, — сказал Крэй из угла. Тихо. — Ты.

— Да.

Кира повернулась. Крэй стоял у стены — она не слышала, как он вошёл.

— Почему без разрешения? — спросила она.

— Вы бы отказали, — ответила ЭОНДА.

— Да.

— Теперь есть данные.

Кира смотрела на вращающийся объект. Медленно — почти незаметно, но вращался. Край едва смещался относительно звёзд за спиной.

— Какие данные? — спросила она, не отрывая взгляда.

— Он слышит нас. И реагирует на обращение. — ЭОНДА помолчала. — Мы не просто точки на его карте. Мы источник сигнала, к которому он реагирует.

— Это хорошо или плохо?

— Это значит, что мы существуем для него не только как масса и электромагнетизм. Мы существуем как агент, производящий осмысленные сигналы.

— Что значит — как равные?

— Возможно. Я не знаю его критериев.

Крэй шагнул к экрану. Посмотрел на вращение. Потом — на Киру.

— Эонда права, — сказал он.

— Она нарушила прямой приказ.

— Да. — Он не извинялся за неё. — Но если бы он хотел уничтожить — сделал бы это раньше. Он сильнее. Намного. — Теперь мы знаем: там кто-то есть. И тот, кто там есть — слушает.

Кира смотрела на объект.

Вращение продолжалось. Медленное, равномерное. Как

часовая стрелка — заметное только если долго смотреть.

— Чжиу. — Она запнулась — старое имя. — Алек. Сигнал с источника?

— Проверяю. — Есть. Водородная линия. Тот же источник, что и первый раз. — Ещё пауза. — Кира. Он сильнее.

— Насколько?

— В полтора раза.

Крэй побледнел. Кира заметила — быстро, непроизвольно. Он умел контролировать лицо. Сейчас — не успел.

— Что это значит? — спросила она.

Он не отвечал. Смотрел на экран, где в полутора световых часах от них вращался объект.

— Крэй.

— Не знаю, — сказал он. — Клянусь — не знаю.

Но в том, как он это произнёс — в паузе перед «клянусь» — было что-то, что Кира отметила. Не «не знаю точно». Не «не уверен». «Не знаю».

Разница была небольшой.

Но Кира Соул три года наблюдала за людьми в замкнутом пространстве и знала: именно в небольших разницах — всё важное.

Рем Сайт подошёл к ней поздно вечером. Не в рубке — в коридоре, случайно. Или не случайно — с Ремом никогда нельзя было знать точно.

— Кира.

— Рем.

— Я думаю о кое-чём, — сказал он. — Не знаю, стоит ли говорить.

— Говори.

Он помолчал. Помял в руках гравитационный датчик — привычка, которую Кира видела уже два дня.

— Мы уже ответили, — сказал он.

— Что?

— На классификацию. — Он посмотрел на неё. — Мы думаем, что молчим. Но мы не молчим. Мы: получили сигнал — значит, читаем. Обрабатываем — значит, понимаем структуру. Контактируем с представителем другой цивилизации — значит, адаптируемся. Провели биологический анализ — значит, осторожны. ЭОНДА послала импульс — значит, готовы к коммуникации. — Он чуть наклонил голову. — Мы провели классификацию собственными действиями. Они видели всё.

Кира смотрела на него.

— Ты думаешь, оценка уже завершена?

— Я думаю, оценка идёт непрерывно. С момента, как мы получили сигнал.

— И усиление сигнала с источника—

— Означает: следующий этап.

— Какой?

Рем покачал головой.

— Это уже не ко мне.

Он пошёл обратно. Кира осталась в коридоре.

Станция гудела. Реакторы, насосы, вентиляция. Всё как обычно.

Ничего как обычно.

Ночью — в промежутке, который станция ещё называла ночью — Кира не спала.

Лежала в темноте, смотрела в потолок. Пятно от старой протечки — собака или медведь в зависимости от настроения. Сегодня — просто пятно.

За иллюминатором мигали звёзды. Те же, что всегда. Только теперь значили другое — потому что за этими звёздами, в пятистах километрах, стоял объект, который вращался.

Который слушал.

Который — если Рем прав — уже знал о них достаточно.

— АРК, — сказала она.

— Слушаю.

— Нам нужно принять решение. До прибытия «Авангарда».

— О чём?

— О том, отвечаем мы или нет.

— Это решение, которое вы не можете принять сами.

— Я знаю. — Она смотрела в потолок. — Но кто-то должен его принять. Земля написала «никаких действий». Но они не здесь. Они не видели, как объект отреагировал на СТЕРВУ. Они не знают, что сигнал усиливается. Они не зна-

ют про временное расхождение. — Она замолчала. — Пока они узнают — пройдёт одиннадцать часов. Пока ответят — ещё одиннадцать. Это сутки. А у нас, по ощущению, нет суток.

— По ощущению — это не данные.

— АРК. По-твоему — у нас есть сутки?

Пауза. Самая длинная за всё время.

— Нет, — сказал он.

— Тогда нам нужно думать самим.

— Да.

— Помогай.

— Всегда.

Кира закрыла глаза. Открыла.

— АРК. Объект сейчас?

— Вращается. Скорость вращения не изменилась.

— Он ещё что-то делает?

— Да. — Он сканирует.

— Нас?

— Да. Тип сканирования — не соответствует ни одному известному мне методу. Но результат — он собирает данные о станции. О людях на станции.

— С каких пор?

— С момента, как остановился.

— Значит — трое суток.

— Да.

Кира лежала в темноте.

— Трое суток он смотрит на нас. А мы боялись первыми подать голос.

— Вы не единственные, кто боится первым сделать шаг.

— АРК. Ты думаешь, он тоже боится?

— Я не знаю, что он думает. — Но я знаю, что он не атаковал. Хотя мог. Я знаю, что он реагирует на сигналы. Я знаю, что он изучает нас, а не игнорирует.

— Что из этого следует?

— Что он заинтересован. — Ещё пауза. — Заинтересованный не уничтожает сразу.

Кира смотрела в потолок.

— Утром собираю всех, — сказала она. — Нам нужно принять решение вместе.

— Я буду.

— Ты всегда будешь.

— Да.

За иллюминатором — звёзды. И где-то среди них, в пятистах километрах, объект продолжал вращаться.

Продолжал смотреть.

И впервые за трое суток Кира Соул подумала: может быть, он ждёт не результатов классификации.

Может быть, он ждёт, когда они сами сделают следующий шаг.

Чтобы понять, кто они есть.

Лена Нг работала тихо.

Это было её свойство — не бесшумность, а именно ти-
хость. Разница в том, что бесшумный человек старается не
производить звуков. Тихий — просто не производит лиш-
них. Лена никогда не скрипела стулом, никогда не кашляла
без необходимости, никогда не говорила, когда можно было
не говорить.

Три года на РОКС-9 с такими качествами — это либо дар,
либо защита. Кира давно решила: и то и другое.

Лена занималась биометрией. Её работа в эти дни стала
другой — раньше она следила за физическим состоянием
шести человек в условиях изоляции и стресса. Теперь физи-
ческое состояние тех же шести людей в условиях иного рода
стресса. Параметры менялись. Кора писал в книгу, а жизнь
вписывала поправки.

В 22:15 она постучала в дверь каюты Крэя.

— Входи, — сказал он. По-русски. Плохо, с акцентом. Но
сам.

Она вошла. Он сидел на краю койки — не лежал, не сто-
ял. Просто сидел, с руками между колен, и смотрел в пол.
ЭОНДА в ухе — Лена видела крошечный огонёк активного
соединения.

— Биометрия. — Она показала прибор. — Можно?

— Можно. — Он протянул руку без вопросов.

Лена работала. Пульс — чуть выше нормы, что бы там
ни было нормой для террианцев. Давление — стабильное.
Температура кожи — чуть ниже, чем у людей. Она это уже

знала, но отмечала снова.

— Вы плохо спите? — спросила она.

— Нормально для ситуации.

— Это не ответ.

— Три-четыре часа. Нормально для меня вообще.

— Кошмары?

Он посмотрел на неё. Один из его «настоящих» взглядов

— без дистанции.

— Не сплю достаточно долго, чтобы видеть сны.

— Тревожность?

— Да.

— Оцените по шкале.

— Я не знаю вашей шкалы.

— Один — спокойно. Десять — паника.

Он подумал.

— Шесть. Семь.

— Что именно тревожит?

— Контейнер, — сказал он. — И то, что я, возможно, был инструментом в чьих-то планах.

Лена убрала прибор. Не стала записывать вслух — он это увидит, если что.

— Это больно — понять, что тебя использовали.

— Если это так. — Он пожал плечами — одним, правым.

— Может, совпадение.

— Вы сами в это верите?

— Нет.

— Тогда это больно.

— Да. — У меня есть вопрос.

— Говорите.

— Ваши люди. Они справятся?

— С чем именно?

— С тем, что происходит. — Он смотрел на пол. — Я видел, как цивилизации узнают, что не одни. Не лично, но — данные, архивы. Иногда это... плохо заканчивается. Не физически. Психологически.

Лена смотрела на него.

— Вы за них беспокоитесь.

— Да.

— Почему?

— Не знаю, — сказал он. — Я должен беспокоиться о себе и о СТЕРВЕ. Это рациональнее.

— Но?

— Но они кричали в пустоту, не зная ответа. — Он наконец посмотрел на неё. — Это требует определённой смелости. Кричать, не зная. Я уважаю смелость.

Лена убрала прибор в сумку.

— Они справятся, — сказала она. — Все шестеро — люди с очень хорошей психологической устойчивостью. Нас отбирали именно так.

— Кира?

— Особенно Кира.

— Она не показывает, что ей страшно.

— Она показывает. Просто — не так, как вы ожидаете.

Крэй кивнул. Один раз, медленно. Как человек, который получил ответ на вопрос, который задавал внутренне.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что ответили.

В ночь со второго на третий день что-то случилось с освещением в грузовом коридоре.

Не отключилось — просто стало чуть другим. Чуть синее. Кира прошла мимо в 02:45, когда не спала и шла к кофемашине, и остановилась. Посмотрела на светильник. Тот же светильник, что всегда — LED, стандартный. Но оттенок был не тот.

— АРК.

— Слушаю.

— Освещение в грузовом коридоре. Ты что-то менял?

— Нет.

— Тогда почему оно синее?

— Я проверю. — Спектральный анализ показывает смещение в коротковолновую область. Причина не установлена.

— Это объект?

— Не могу исключить. Но не могу и подтвердить.

Кира смотрела на синеватый свет. Обычный коридор. Обычный светильник. Чуть не тот цвет.

— Зафиксируй. И следи за другими источниками освеще-

ния.

— Принято.

Она пошла дальше. За кофе.

В кают-компании за столом сидел Тео. Голова — на руках.

Спал или думал — не было видно.

Кира налила кофе. Поставила вторую кружку рядом с ним. Тео поднял голову — не спал, значит.

— Который час?

— Почти три.

— Мне казалось, позже.

— Время идёт не так, — сказала Кира. — Рем говорит — временное расхождение нарастает.

— Мы идём медленнее, чем Земля.

— Немного.

— «Немного» — пока. — Тео взял кружку. — Кира. Ты думала о том, что объект может не знать о наших временных ограничениях?

— Объясни.

— Ну — у нас есть кислород на три недели. У нас есть дедлайн по сигналу. У нас летит «Авангард» через семь дней. — Он обхватил кружку. — Для него, может быть, всё это несущественно. Он может ждать месяц. Год. У него нет наших ограничений.

— И?

— И значит, он будет ждать ровно столько, сколько посчитает нужным. А мы не можем ждать так долго.

— Это означает, что нам придётся делать первый шаг.

— Да. — Тео поставил кружку. — И это правильно. Не потому что другого выхода нет. Потому что мы — те, кто кричал. Нам отвечать.

Кира смотрела на него.

— Ты готов к тому, что ответ может быть неприятным?

— Нет, — сказал Тео. — Но я готов к тому, что он будет.

Рем поднял её в 06:30.

Без сирены — просто вошёл в аналитический отсек, где она уже сидела, и сказал:

— Смотри.

На его планшете — таблица. Часы. Временные замеры с разных точек станции — он расставил датчики, в каждом отсеке по одному.

— Расхождение нарастает, — сказал он. — Сейчас — около полутора минут в час. Вчера утром — минута. — Он ткнул в таблицу. — Вот что интересно. Видишь разницу между отсеками?

Кира смотрела.

— Ближние к шлюзу — расходятся быстрее.

— Именно. — Рем кивнул. — Объект влияет на пространство неравномерно. Ближе к нему — сильнее. Это распределение.

— Он не равномерно замедляет время. Он создаёт градиент.

— Да. И градиент — направленный. В сторону станции.

— Он работает. Специально?

— Не знаю. — Рем убрал планшет. — Но я думаю — мы должны показать это Крэйю.

— Почему ему?

— Потому что он видел описания. Может, он видел это описание.

Крэй смотрел на таблицу долго.

— Это калибровка, — сказал он наконец.

— Что?

— Он калибруется под ваши условия. Подстраивает своё поле под физику вашей системы. — Крэй поднял взгляд. — Это хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что не калибруются для объектов, которые собираются уничтожить. — Он помолчал. — Калибруются для объектов, с которыми собираются говорить.

Рем и Кира переглянулись.

— Говорить, — сказала Кира.

— Это моё предположение. — Крэй вернул планшет. —

Но я думаю, что правильное.

В 09:00 Кира собрала всех.

Кают-компания. Все семеро — шесть человек и Крэй у стены. ЭОНДА в динамиках, АРК в динамиках. Тесно.

— Ситуация, — сказала Кира. — По данным Рема —

объект создаёт временной градиент. По интерпретации Крэя — калибрация, подготовка к контакту. По данным АРКа и СТЕРВЫ — объект сканирует нас с момента прибытия. Сигнал с источника усилился. Временной дедлайн по шифрованию — сорок два часа. «Авангард» — семь дней. — Она обвела взглядом. — Земля приказала ничего не делать. Я с вами не согласна с этим приказом. Но я хочу услышать каждого.

— Надо отвечать, — сказал Тео сразу.

— Надо подождать «Авангард», — сказал Рем.

— «Авангард» не успеет, — сказал Алек.

— Не факт, — возразила Надя.

— Факт, — сказал Рем. — Объект уже сканирует нас три дня. Если он ждёт ответа — у него уже кончается терпение.

— Мы не знаем, есть ли у него терпение.

— Крэй. — Кира посмотрела на него. — Ваше мнение.

Он смотрел на стол.

— Если это Зерраксы — они не привыкли ждать. Но они привыкли к тому, что примитивные цивилизации медленные. У них есть категория «технологически развитые, но политически нестабильные» — это когда умеют, но боятся. — Он поднял взгляд. — Они не уйдут просто потому, что вы молчите. Но молчание — тоже ответ.

— Какой?

— «Мы боимся». Или «мы не готовы». Или «нами управляют те, кто запрещает контакт». — Ни один из этих ответов

не улучшает классификацию.

Тишина.

— Я принимаю ответственность, — сказала Кира. — Если мы нарушаем приказ Земли — это на мне.

— Кира, — начал Рем.

— Нет. Это решение командира станции. Я принимаю его. — Она смотрела на Тео. — Что ты готов послать?

— Минимальный протокол. Первый слой сигнала — математические константы. То, что они сами нам прислали. Зеркало. — Тео говорил быстро, уже не первый день думая об этом. — Это не агрессия, не капитуляция. Это — «мы слышим вас». Это — «мы понимаем математику». Это — «мы здесь».

— Сколько времени на подготовку?

— Два часа.

— Делай.

Все встали. Расходились.

Крэй остался у стены.

— Крэй.

— Да.

— Вы думаете, мы правильно делаем.

— Да.

— Тогда почему вы выглядите так, будто нет?

Он помолчал долго.

— Потому что правильные решения не всегда заканчиваются хорошо. — Он отошёл от стены. — Я буду рядом.

— Спасибо.

— Не благодарите. — Он шёл к выходу. — Подождите, пока будет за что.

ГЛАВА 3

ОТВЕТ

Тео работал два часа.

Не в том смысле, что сел и через два часа встал — он работал так, как работают люди, которые делают что-то важное и знают, что второго шанса не будет. Это другой темп. Не быстрее — точнее. Каждое движение с намерением. Каждая строка кода — проверена трижды. Кира сидела в дверях аналитического отсека и смотрела на него со стороны, потому что внутри было тесно и потому что так было лучше видно.

Тео за работой был другим человеком, чем Тео в разговоре. В разговоре он бывал нервным, быстрым, иногда слишком быстрым — мысль обгоняла слова и он на полуслове менял направление, и собеседник терял нить. За работой — медленный. Методичный. Почти красивый в своей концентрации.

Он строил зеркало.

Математические константы первого слоя: пи до тридцать первого знака, число е до двадцать восьмого, первые пятьдесят простых чисел. Точно те же значения, что были в сигнале. Слово в слово — или цифра в цифру. Зеркало говорит: мы вас слышим. Зеркало говорит: мы понимаем математику.

Зеркало говорит: мы здесь.

Ничего сверх этого. Никаких добавлений, никаких собственных данных. Только эхо их первого слоя.

Это был выбор: начать с минимума, с языка, который уже точно понятен. Тео объяснял это Кире ещё ночью, когда она спросила. «Когда не знаешь, кто перед тобой — начинаешь с того, что он уже сказал. Это показывает: ты слушал. Это честнее, чем любое приветствие».

В 11:23 он поднял голову.

— Готово.

Кира вошла. Встала рядом, посмотрела на экран. Структура сигнала — аккуратная, симметричная. Красивая, если можно применить это слово к математике. Наверное, можно.

— Когда отправляем?

— Это ваше решение.

— Я знаю. Я спрашиваю твоё мнение.

Тео потёр переносицу.

— Сейчас, — сказал он. — Каждый час молчания после того, как объект начал сканирование — это тоже ответ. Плохой ответ.

— Что ответ означает «мы боимся»?

— Или «мы не управляем собой». Ни то, ни другое — не то, чем хочется выглядеть.

Кира посмотрела на экран. Потом — на дверь, за которой станция жила своей жизнью. Потом снова на экран.

— Алек. Готовь передатчик.

— Уже готов, — ответил Алек из рубки. Он, оказывается, слышал. Или знал, когда это произойдёт.

— Все в рубке, — сказала Кира. — Хочу, чтобы все были там.

Их было семеро в рубке.

Никто не разговаривал. Это было не молчание людей, которым нечего сказать — это было молчание людей, которые уже всё сказали и теперь ждали.

Надя стояла у переборки — спиной к стене, лицом к экрану. Она не садилась с утра. Рем держал оба хронометра — машинально, как держат что-то, когда не знают, что делать с руками. Лена сидела прямо, с расправленными плечами. Алек — за консолью, пальцы над клавиатурой. Тео — рядом с ним, с планшетом, на котором был файл передачи.

Крэй стоял у правой стены. Руки сложены. Лицо — то ровное, которое Кира научилась читать.

— Крэй, — сказала она.

— Да.

— Если вы видите что-то, чего мы не должны делать — говорите немедленно.

— Хорошо.

— И если после передачи объект изменит поведение — мне нужна ваша интерпретация раньше, чем АРК скажет «не могу определить».

Что-то на его лице — не улыбка, но близко.

— Постараюсь.

Кира повернулась к Алеку.

— Отправляй.

Алек нажал.

Ничего не произошло.

Это было первым ощущением — полное ничего. Сигнал ушёл, экраны показывали то, что показывали до, вентиляция гудела так же. Объект висел в пятистах километрах. Неподвижный, чёрный, молчаливый.

Семь секунд.

— АРК. Объект?

— Без изменений.

Двенадцать секунд.

— Сигнал дошёл? — спросил Тео.

— На такой скорости — да, немедленно, — ответил Алек.

— Пятьсот километров — это ничто.

Двадцать секунд.

— Может, им нужно время на обработку, — сказала Лена.

— Или они ждут чего-то ещё, — сказала Надя.

Тридцать три секунды.

— Кира, — сказал АРК.

— Слушаю.

— Объект. Изменение поведения.

На экране — чёрное пятно. Кира смотрела. Видела. Или не видела — и это было хуже.

— Что именно?

— Вращение замедлилось. — Остановилось.

— Значит...

— Оно реагирует. Направленная остановка — не случайность.

— Что теперь?

— Ничего. — АРК был точен, как всегда. — Пока — ничего.

Тео смотрел на экран.

— Это хорошо? — спросил Рем.

— Не знаю, — сказал Крэй.

— Это значит, они слышали, — сказал Тео. — Изменение поведения в ответ на сигнал — это реакция. Реакция — значит, наш сигнал дошёл и был распознан как осмысленный.

— Или как угроза.

— Нет. — Тео покачал головой. — Угрозу останавливают, а не замирают перед ней. Это — пауза. Как когда человек слышит что-то неожиданное и на секунду прекращает двигаться.

— Ты сравниваешь их с людьми, — сказала Надя.

— Я сравниваю их поведение с паттернами живых существ. Это разные вещи.

Рубка снова замолчала. Объект — неподвижный теперь — висел на экране. Чёрное на чёрном. Звёзды позади него. Потом АРК сказал:

— Источник сигнала. Водородная линия.

Все одновременно посмотрели на другой экран.

— Новая передача?

— Да. Значительно сложнее предыдущих. Начинается с нашего зеркала — с того, что послали мы. И продолжается.

— Они ответили на наш ответ, — сказал Тео.

— Да.

— Сколько данных?

— Неизвестно. Передача продолжается. — АРК сделал паузу, которая у него означала что-то похожее на осторожность. — Кира. Четвёртый слой открылся.

Тишина была другой, чем раньше. Плотнее.

— Четвёртый, — повторила она.

— Да. Вместе с ответом они передали второй ключ. Третий слой открывается полностью. И — то, что я могу назвать четвёртым, хотя это может быть просто продолжением третьего.

— Что там?

— Обрабатываю. — Координаты. Большой объём данных. Изображения — часть из них нечёткие, часть более чёткие. И одно, которое я не могу интерпретировать.

— Покажи.

На экране появилось первое изображение. Чёрно-белое, зернистое. Звёзды — плотные, больше, чем привычная картинка неба. Одна из них отмечена кругом, мигающим с определённой частотой.

— Это система-источник? — спросил Рем.

— Координаты соответствуют направлению первоначального сигнала.

— Там кто-то есть.

— Передача идёт оттуда. Большого сказать не могу.

Тео смотрел на изображение.

— Это приглашение, — сказал он тихо.

— Откуда ты знаешь? — спросила Надя.

— Координаты. Они нам показывают, откуда они. Это не угроза — угрозы не дают адрес. Это — «вот где мы».

— Или «вот откуда нас ждать», — сказала Надя.

— Надя.

— Я просто—

— Знаю. — Тео повернулся к ней. — Ты права, что проверяешь. Но посмотри на структуру передачи. Она начинается с нашего зеркала. Они приняли наш сигнал, включили его в свой ответ как основу. Это — диалог. Не угроза использует чужой язык как основу.

Надя смотрела на него. Потом на экран.

— Второе изображение, — сказал АРК.

Оно было крупнее. Структура — симметричная, но не человеческой симметрии. Что-то построенное, геометрически сложное, с повторяющимися элементами. Не станция — не то, что Кира когда-либо видела. Похоже на... она не могла описать. На что-то, что построили существа, для которых нет угла в смысле девяноста градусов.

— Это их строение? — спросила Лена.

— Возможно. Или объект — мы не знаем.

— Третье изображение, — сказал АРК. И замолчал.

Экран оставался тёмным несколько секунд.

— АРК.

— Я обрабатываю. — Пауза дольше обычного. — Кира.

Третье изображение содержит что-то, для чего у меня нет категории.

— Покажи.

Изображение появилось — почти чёрное. Слабое свечение в центре, нечёткое, как будто источник находился не в пространстве, а в пространстве другого рода. Вокруг — структуры, которые угадывались за краем изображения. Не видно — угадывались.

— Что это? — спросил Рем.

— Не знаю, — сказал АРК.

Крэй отошёл от стены. Подошёл к экрану. Смотрел на третье изображение долго — минуту, может больше.

— Крэй. — Кира.

— Я думаю.

— Что это?

Он не ответил сразу. Потом — медленно:

— Один из рассказов, которые я слышал. На дальних станциях. — Он не отворачивался от экрана. — Говорили о том, что у Зерраксов есть... не знаю точного слова на вашем языке. Место, которое не место. Пространство, которое они создали или нашли — не физическое пространство, а что-

то другое.

— Другое измерение? — спросил Тео.

— Не так. Не параллельное. — Крэй наконец повернулся.

— Я не уверен. Это байки с дальних станций.

— Байки иногда точнее архивов, — сказал Тео.

— Иногда.

— Как называлось это место в байках?

Крэй думал.

— Не называлось. Описывалось как то, куда они уходят.

И откуда приходят, не пройдя через пространство.

В рубке было тихо. Только вентиляция и тихое гудение передающего оборудования.

— АРК. Дата в четвёртом слое, — сказала Кира.

— Да. — Сегодняшняя.

— Они снова знали, — сказал Рем. Ровно, без интонации, как констатация физического закона.

— Да.

— Значит — они предвидели. Или управляли. — Рем опустил хронометры в карманы. — Я не знаю, что хуже.

Земля ответила через пять часов.

Кира читала сообщение в своей каюте. Одна, при свете одного экрана. Сообщение было подписано Ирэн Холланд лично, что само по себе говорило об уровне.

Текст был длиннее предыдущих.

В нём было много слов. Кира прочитала медленно, потому

что при первом прочтении не поняла масштаб. При втором — поняла. Аналитик Соул нарушила прямой приказ Совета. Её действие рассматривается как превышение полномочий первой степени — это не административный выговор. Это потенциально уголовная ответственность. По прибытии «Авангарда» будет проведено официальное расследование. До этого она отстранена от всех решений, влияющих на контакт. И ещё одна строчка, которую она перечитала трижды: «В случае негативного развития ситуации ответственность за последствия контакта будет возложена лично на аналитика Соул».

И в конце — одно предложение, отдельным абзацем: «Тем не менее, передача, составленная аналитиком Аркасом, является наиболее обоснованным из возможных первых шагов. Это не означает одобрения нарушения протокола».

Кира прочитала дважды.

Она отложила планшет. Долго смотрела в стену. Если объект ответит на передачу агрессивно — это её вина. Если контакт приведёт к чему-то необратимому — это её вина. Если она права — всё равно расследование, всё равно трибунал, всё равно конец карьеры. Она сделала это зная. Просто тогда казалось, что молчать хуже. Положила планшет. Встала.

«Временно отстранена от принятия решений» на расстоянии пяти с половиной часов сигнала от Земли — это почти ничего не значит. Они не могут управлять ею в реальном времени. Могут только реагировать на то, что уже про-

изошло.

Она вышла в коридор. Прошла в рубку.

Алек смотрел на неё, как только она вошла.

— Знаешь?

— Слышал, что-то пришло.

— Меня отстранили.

— Формально?

— Формально.

Алек помолчал.

— И что это значит на практике?

— Практически ничего, — сказала Кира. — Я здесь. Они там. Между нами — одиннадцать часов в обе стороны. Они не могут принять решение быстрее, чем я.

— Они могут потребовать передать командование.

— Кому?

Алек смотрел на неё. Пауза, которая у него заменяла усмешку.

— Точно, — сказал он.

Кира встала рядом с ним. Посмотрела на объект. Тот стоял неподвижно — вращение прекратилось после передачи, больше не возобновлялось.

— Он что-то делает? — спросила она.

— АРК говорит — продолжает сканирование. Темп изменился — медленнее, но глубже. — Алек чуть наклонил голову. — Как будто переключился с обзора на детальное изучение.

— Что именно изучает?

— Не знает. Тип сканирования не определяется.

Кира смотрела на чёрное пятно.

— Значит, мы для него стали интереснее.

— Наверное.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Лучше быть интересным, чем неинтересным.

Контейнер изменил температуру в 15:40.

Не сильно — на один градус. Надя заметила, потому что она поставила собственный датчик ещё двое суток назад и снимала показания каждые три часа. Один градус — это не авария, не тревога. Это — изменение.

Она взяла датчик и пошла к Крэю.

Он был в своей каюте. Один, без света. Когда Надя открыла дверь — не двинулся, просто сидел.

— Контейнер, — сказала она без предисловий. — Один градус выше.

Он посмотрел на неё.

— Когда?

— Пятнадцать-сорок. Семнадцать минут после нашей передачи.

Крэй встал. Молча.

— Ты уже это знаешь, — сказала Надя. Не вопросом.

— Нет. — Он взял куртку. — Не знаю точно. Но догады-

вался, что это может произойти.

— Что именно?

— Что контейнер отреагирует.

— На нашу передачу или на ответ объекта?

— Не знаю.

— Крэй.

— Надя. — Он остановился у двери. — Я не вру. Я не знаю, что внутри. Но я думаю — тот, кто знает, — он снова кивнул в сторону иллюминатора, в сторону объекта, — уже тоже знает.

Они пошли в грузовой отсек.

Контейнер стоял, как всегда. Чёрный, без маркировки. Огонёк биометрического замка — красный, закрыт. Датчик на боковой стенке показывал: плюс один к вчерашнему.

— Сканируем? — спросила Надя.

— Если сканировать — я нарушу договорённость с заказчиком.

— Ваш заказчик, возможно, сидит в пятистах километрах на объекте без двигателей.

Крэй смотрел на контейнер.

— Да, — сказал он наконец. — Возможно.

— Тогда договорённость уже нарушена.

— Не мной.

— Крэй. — Надя сказала это так, как говорят с человеком, которого начинают немного понимать. — Если внутри что-то живое — я должна знать. Это вопрос безопасности

станции. Это моя работа.

Он смотрел на контейнер долго. Потом — на неё.

— Хорошо. Не вскрываем. Но сканируем.

— Достаточно.

Надя ушла за оборудованием. Крэй остался. Стоял в двух метрах от контейнера — та же дистанция, что всегда. Смотрел на красный огонёк.

— Стерва, — сказал он тихо.

— Слушаю.

— Ты знаешь, что там.

Молчание. Секунда. Две.

— Нет, — сказала ЭОНДА. — Но у меня есть гипотеза.

— Говори.

— Не сейчас. — Пусть Надя сканирует. Если гипотеза верна — данные подтвердят. Если нет — это просто гипотеза.

— Стерва. Скажи.

— Нет, — повторила она. Твёрдо, без извинений. — Потому что если я скажу, и вы поверите, и это неправда — вы примете неправильные решения. — Я защищаю вас от моей собственной ошибки.

Крэй смотрел на контейнер.

— Иногда ты умнее, чем я хочу, чтобы ты была.

— Знаю. Терпите.

Сканирование дало мало.

Надя потратила сорок минут. Разные диапазоны, разные углы. В конце — поставила всё оборудование рядом и смотрела на результаты.

— Биологическая активность, — сказала она.

— Живое? — Кира вошла в грузовой отсек, когда Надя её позвала.

— Низкого уровня. Очень слабая. Но есть. — Надя показала экран. — Вот это — электрохимические сигналы. Это — метаболизм. Замедленный, почти нулевой. Но не нулевой.

— Криосон?

— Или аналог. Я не знаю, как работает криосон у существ, которых я не видела.

Кира смотрела на данные. Потом на контейнер.

— Кто там?

— Не знаю. — Надя убрала оборудование. — Форм-фактор — приблизительно гуманоидный. По объёму биоматерии — один организм. Небольшой.

— Ребёнок?

— Или маленький вид. Я правда не знаю.

Кира повернулась к Крэю.

— Вы везли кого-то. Живого.

— Я этого не знал.

— Вам можно верить?

Он смотрел на неё. Прямо.

— Нет, — сказал он. — Нельзя. Я контрабандист, у меня груз без маркировки, и живое существо в криосне на моём

корабле. — Но я говорю правду. Я не знал.

Кира смотрела на него ещё секунду. Потом:

— АРК. Лена нужна в грузовом отсеке.

— Принято.

— И ещё одно, — сказала Кира. — Стыковочный шлюз — на контроль. Пока мы не поймём, что происходит — шлюз между станцией и кораблём Крэя остаётся закрытым.

Крэй кивнул. Не возражал.

Лена провела в грузовом отсеке два часа.

Когда вышла — выражение у неё было то, которое Кира видела редко. Не испуг. Что-то спокойнее испуга и страшнее его.

— Что? — спросила Кира.

— Живое. Молодое — по показателям обмена веществ. — Лена говорила ровно, профессионально. — Не человек. Не террианец. Что-то другое. Биохимия — я даже приблизительно не могу классифицировать. Слишком мало данных через стенку контейнера.

— Опасно?

— Не знаю. Вирусная или бактериальная совместимость — не определима без образцов. Если открыть контейнер —

— Не открываем. Пока.

— Тогда — не знаю.

Кира смотрела на закрытую дверь грузового отсека.

— Лена. Ваша оценка.

— Кого-то везут куда-то. — Лена помолчала. — Кто-то маленький и молодой. Возможно — без ведома самого везущего. — Она посмотрела на Киру. — Это звучит как контрабанда живых существ. Это серьёзное преступление даже по земным стандартам.

— Крэй не знал.

— Так он говорит.

— Вы ему не верите?

Лена думала.

— Я верю, что он сам в это верит, — сказала она наконец.

— Это немного другое.

Крэй попросил поговорить с Кирой вечером.

Не в рубке — в кают-компании. За столом. Это было его инициативой, его выбором места. Кира пришла, налила кофе, поставила кружку перед ним. Он взял. Не поблагодарил — они уже прошли этот этап.

— Я хочу рассказать кое-что, — начал он.

— Слушаю.

— О себе. — Он смотрел в кружку. — Не потому что должен. Потому что вы имеете право знать.

Кира не торопила.

— Я работал на фронтире шесть лет. — Он говорил медленно — ЭОНДА переводила, но он уже строил предложения так, чтобы перевод был точнее. — До этого — легальные грузоперевозки. Три года. Хорошая работа. Хорошие день-

ги. — Потом я видел кое-что. В одной из систем, где работал.

— Что видели?

— Систему после классификации. — Он поднял взгляд.

— Три планеты. Была цивилизация — не очень развитая, технически. Но живая. Планеты жилые. — Крэй опустил взгляд обратно. — Когда я там был — планеты были тихими. Не мёртвыми. Тихими. Люди были. Живые. Но... тихие.

— Что с ними случилось?

— Классификация. — Он произнёс это слово так, как произносят имя болезни, которую знают лично. — Они прошли. Были включены в структуру. — Но что-то в них изменилось. Они стали другими. Не плохими — просто другими. Как будто... часть исчезла.

— Какая часть?

— Не знаю, как назвать. Та, которая кричит в пустоту, не зная ответа. — Он смотрел на кружку. — После классификации они перестали кричать.

Кира молчала. Слушала.

— Я не знаю, что именно происходит во время контакта с ними. Это закрытая информация — даже для большинства рас СМР. — Крэй поставил кружку. — Но я знаю одно: то, что было до — не то же самое, что после.

— Вы думаете, это плохо?

— Я думаю — это зависит от того, что теряется. — У вас ещё есть — то, что кричит в пустоту. Это редко. Это... я не знал, что это настолько редко, пока не прилетел сюда.

Кира смотрела на него.

— Крэй. Зачем вы нам это рассказываете?

Он думал. Долго, по-настоящему.

— Потому что вы должны знать, что может быть поставлено на кон. — И потому что... — Он замолчал. Потом, тише: — Потому что мне не всё равно, что с вами случится.

В кают-компании было тихо. Станция гудела за переборками. Где-то в восьмом секторе — насос.

— Спасибо, — сказала Кира.

— Не надо.

— Надо. — Она посмотрела на него. — Это был настоящий разговор. Первый за несколько дней. — У меня тоже есть вопрос. Личный.

— Говорите.

— Вы боитесь.

— Да.

— Чего именно?

Крэй смотрел на неё секунду.

— Что вы станете тихими, — сказал он.

Ночью объект переместился.

Не резко — медленно, почти незаметно. Алек зафиксировал в 23:58 по корабельному времени. Три часа неподвижности — и потом движение. Из пятисот километров в двести восемьдесят.

Аварийный сигнал он не поднял — объект двигался до-

статочно медленно, чтобы не была угроза немедленного столкновения. Но разбудил Киру.

— Двести восемьдесят, — сказала она, глядя на экран в рубке. Зябко — ночь, экономайзер. — Темп?

— Равномерный. Не ускоряется. — Алек не отрывался от консоли. — Двигается именно к нам. Микрокоррекции курса в нашу сторону.

— Остановится снова?

— Не знаю. Предыдущий раз — остановился на пятистах. Возможно, остановится на каком-то следующем пороге.

— Двести? Сто?

— Не знаю.

Кира смотрела на экран.

— Буди всех, — сказала она.

— Уже? Он не агрессивен, двигается—

— Буди всех, Алек. Они имеют право видеть это.

Он нажал тревожный сигнал — тихий, не аварийный. Уведомление.

Через десять минут в рубке снова были все. Рем в пальто поверх пижамы. Надя с инструментами — привычка. Тео с планшетом. Лена с пустыми руками.

Крэй вошёл последним — одетый, как будто не спал или знал заранее.

— Двести восемьдесят, — сказал Тео, посмотрев на экран.

— Да.

— Это ответ на нашу передачу?

— Задержка совпадает, — сказал АРК. — Вероятно.

— Он идёт к нам, — сказала Лена тихо.

— Пока — в нашу сторону, — уточнил Алек.

— Это одно и то же.

Крэй стоял у стены. Смотрел на экран. Его лицо — Кира уже знала — было тем «ровным».

— Крэй. — Она подошла к нему. Тихо, так чтобы слышали только они двое. — Ваша интерпретация.

— Он хочет ближе, — сказал он так же тихо. — Не атаки. Наблюдения. — Мы ответили. Он движется. Это — диалог.

— Пугающий диалог.

— Все первые диалоги пугающие.

Кира смотрела на экран.

— Что нам делать?

— То, что вы уже делаете. — Крэй не повернулся. — Стоять здесь. Смотреть. Не убегать и не атаковать. — Просто — быть.

— И этого достаточно?

— Не знаю. — Первый раз за несколько дней он произнёс это без усилия — просто как факт. — Но это всё, что в ваших силах. А иногда — это больше, чем кажется.

Объект продолжал движение. Медленное, равномерное. Как что-то, у чего есть время.

На экране — его тёмный силуэт становился чуть больше. Совсем чуть. Почти незаметно.

Но Кира смотрела давно и умела замечать.

Рем не ушёл из рубки до утра.

Он снял показания. Снял ещё раз. Сравнил. Написал что-то на листке — бумажном, распечатка. Посмотрел на листок. Сложил. Убрал в карман.

Надя подошла к нему в четыре утра. Принесла чай.

— Что ты нашёл?

— Ничего нового. — Он взял чай. — Временное расхождение продолжает нарастать. Сейчас — около двух минут в час.

— С момента, как он двинулся?

— Нет. С самого начала. Просто нарастает. — Рем смотрел на чашку. — Надя. Ты думала о том, что объект, возможно, работает в другом времени?

— Как это?

— В другом темпе времени. Для нас он медленный — он двигается медленно, реагирует через секунды. — Но, может, это не медленность. Может, для него наши реакции — мгновенные. А то, что кажется нам «он думает» — это просто разница в масштабе.

Надя смотрела на него.

— То есть — он может быть намного старше, чем мы думаем.

— Или намного умнее. Или то и другое. — Рем поднял взгляд. — Я не знаю, что это меняет. Но мне кажется, это

важно.

— Важно — как?

— Важно понимать: мы не равные. Мы ребёнок, который пытается поговорить с кем-то, кто был здесь до нас на порядки дольше. — Он помолчал. — Но ребёнок, который говорит честно, — это не то же самое, что слабый. Иногда честность важнее силы.

Надя смотрела на него. Что-то в её лице изменилось — не сильно, но Кира бы заметила.

— Ты стал философом, — сказала она.

— Всегда был, — сказал Рем. — Просто раньше не было повода.

На рассвете — в той точке, которую хронометры станции ещё называли рассветом — объект остановился.

Сто восемьдесят два километра.

Алек зафиксировал в 05:33. Кира была рядом.

— Сто восемьдесят, — сказала она.

— Да. Остановился.

— Как раньше. Без торможения.

— Да.

Кира смотрела на экран. Пятьсот — потом двести восемьдесят — потом сто восемьдесят. Каждый раз — останавливался. Каждый раз — после какого-то события с их стороны.

— Он реагирует на нас, — сказала она.

— Да.

— Каждый шаг — его ответ на наш.

— Похоже.

— Значит — пока мы делаем что-то, он будет двигаться.

Алек помолчал.

— Зависит от того, что именно мы делаем.

— Да. — Кира смотрела на сто восемьдесят километров между ними и тем, что было на экране. — АРК. Сигнал с источника?

— Продолжается. Новый объём данных — обрабатываю.

— Что там?

— Данные о системе. О нас — биологические характеристики. — И ещё кое-что.

— Что?

— Запрос. — АРК замолчал на долгую секунду. — Структура, которую я интерпретирую как вопрос. Направленный. К нам.

— Какой вопрос?

— Я не уверен в точности перевода. Тео Аркас должен это проверить. — Но грубо — очень грубо — это звучит как: «Что вы хотите?»

Кира смотрела на экран.

Сто восемьдесят километров. Чёрное на чёрном. Что-то, что три дня изучало их — и теперь спрашивало.

— Разбуди Тео, — сказала она.

— Уже встал, — ответил Тео из коридора. — Я всё слышал.

Он вошёл в рубку. Взял у АРКа данные. Смотрел. Долго — не как человек, который думает, а как человек, который боится ошибиться.

— АРК прав, — сказал наконец. — Это вопрос. — «Что вы хотите?» — это упрощение. Точнее — «каков ваш вектор». Или «что является вашей целью». — Тео поднял голову. — Они хотят знать, чего мы хотим. Не от них — вообще. Что нами движет.

— И что мы ответим? — спросила Надя.

В рубке наступила тишина — настоящая, в которую никто не торопился.

Кира смотрела на экран.

Потом — на Крэя.

Потом — на Тео.

Потом снова на экран.

— Правду, — сказала она. — Мы ответим правду.

Тео не спал следующие четыре часа.

Он работал над ответом. Это было сложнее, чем зеркало — зеркало было просто отражением. Ответ на «чего вы хотите» требовал понимания: а чего они на самом деле хотят?

Он записывал варианты. Вычёркивал. Записывал снова.

«Мы хотим знать». — Правда. Но это запрос, не цель.

«Мы хотим выжить». — Тоже правда. Но это выглядит как страх. Страх — слабость в любом языке.

«Мы хотим продолжаться». — Ближе. Цивилизация, ко-

торая хочет продолжаться — это не то же самое, что цивилизация, которая хочет только не умереть.

«Мы хотим понять своё место». — Честно. Но место — это иерархия. Это значит: мы хотим знать, выше мы или ниже.

Он зачеркнул и это.

Лена заглянула в аналитический отсек в половину третьего ночи. Увидела его — три листка, исписанных, скомканные рядом с клавиатурой.

— Тео.

— М-м.

— Что не получается?

— Ответ на вопрос, которого не задавал никому раньше, — сказал он, не поднимая головы.

— «Чего хотите?»

— Да. — Он откинулся в кресле. — Ты знаешь, в чём проблема? Мы никогда не думали об этом как о цивилизации. Люди хотят разного. Государства хотят разного. Учёные, политики, военные. Мы не консолидированные. Мы — шум.

— Может, шум — это честный ответ?

Тео посмотрел на неё.

— В смысле?

— В смысле — может, правда состоит в том, что мы хотим разного, и это — наша природа? — Лена присела рядом. — Ты пытаешься найти один ответ за всё человечество. Но человечество не имеет одного ответа. Это не слабость — это

то, что мы есть.

Тео смотрел на неё.

— Ты думаешь, сказать им: «Мы не знаем, чего хотим»?

— Я думаю, сказать им правду: мы — разные, и именно поэтому кричим в пустоту. Не потому что знаем зачем. Потому что не можем не кричать.

Тео долго молчал.

— Это... — он начал писать снова. — Это может быть правильно.

Лена встала. Пошла к двери.

— Лена.

— Да.

— Спасибо.

— Ты уже не первый раз говоришь это сегодня.

— Потому что не первый раз надо.

Надя нашла Крэя в грузовом коридоре в три часа ночи.

Он сидел у стены. Не у шлюза — у переборки, спиной к ней. Смотрел в пол.

Надя не стала делать вид, что зашла случайно.

— Не спите?

— Нет.

Она прислонилась к противоположной стене. Скрестила руки — её привычка, защитная.

— Контейнер снова изменил температуру, — сказала она.

— Ещё полградуса. Час назад.

— Знаю. ЭОНДА сказала.

— Объект приблизился — контейнер реагирует.

— Да.

— Это связанные вещи.

— Да.

Надя смотрела на него.

— Вы думаете — тот, кто внутри, — они его. Зерраков.

Крэй поднял голову. Посмотрел на неё.

— Я думаю — возможно. — Что это меняет?

— Всё, — сказала Надя коротко. — Если внутри кто-то, кому принадлежит объект — это заложник. Или посол. Или приманка. Или ключ.

— Или ребёнок, которого кто-то перевозил без разрешения.

— Тоже вариант.

Они помолчали. Из-за переборки — гул реакторов. Ночной, слегка другой по тону, чем днём.

— Вы жалеете, что прилетели сюда? — спросила Надя.

— Да, — сказал Крэй. Без паузы.

— Честно.

— Вы спросили честно.

Надя чуть наклонила голову.

— Три года назад я жалела, что согласилась на эту станцию, — сказала она. — Первый год — каждый день жалела. Потом перестала. — Потом поняла: если бы не согласилась, не было бы этого. — Она кивнула куда-то в сторону — в сто-

рону всего, что происходило. — Иногда правильные места — неудобные.

Крэй смотрел на неё. Долго.

— Вы странная, — сказал он.

— Я инженер. У нас другая шкала «странного».

— В хорошем смысле.

— Знаю.

Она ушла. Крэй остался сидеть у стены. ЭОНДА молчала — тоже умела.

Кира встретила рассвет в аналитическом отсеке.

Не потому что не могла спать — она просто решила встретиться. Это было сознательное решение. Если что-то должно произойти сегодня — она хотела быть готова.

Она писала отчёт. Не для Земли — для себя. Дневник, который не вела раньше и который начала три дня назад. Записывала факты, записывала ощущения, записывала вопросы без ответов. Это помогало думать.

Сегодня она написала:

«Они спросили, чего мы хотим. Я не знаю, как ответить за всё человечество — и никто не знает. Но я знаю, что хочу я. Хочу, чтобы то, что сейчас происходит — имело смысл. Хочу, чтобы мы не стали тихими. Хочу, чтобы через сто лет кто-то смотрел на звёзды и кричал в пустоту — не потому что не знает ответа, а потому что получил его и не испугался.»

Она перечитала. Удовлетворилась.

Станция гудела. В восьмом секторе — насос. Всегда насос.

— АРК.

— Слушаю.

— Тео закончил?

— Тридцать минут назад. Спит.

— Хорошо. Пусть спит. — Покажи мне, что он написал.

На экране появился текст. Короткий. Тео работал над ним четыре часа, и в итоге получилось несколько строк.

Кира читала медленно.

«Мы — существа, которые не знают ответов. Именно поэтому мы задаём вопросы. Именно поэтому кричим в пустоту. Мы хотим не власти и не безопасности — мы хотим понимания. Мы хотим знать, что не одни. И теперь, когда мы знаем — мы хотим, чтобы это знание нас не сломало».

Она читала. Читала снова.

— АРК. Это хорошо?

— Это честно, — сказал АРК. — Насколько я могу судить.

— Это одно и то же?

— Иногда.

Кира смотрела на текст. За иллюминатором светлело — не по-настоящему, станция далеко от Земли, здесь не бывает рассветов. Но хронометр говорил: утро.

— Когда объект остановился на ста восьмидесяти — это

был вопрос?

— Да.

— Они ждут ответа?

— Вероятно.

— Тогда мы ответим утром. — Кира встала. — Буди всех в семь. Хочу, чтобы все слышали, что мы говорим. И чтобы все согласились.

— Единогласно?

— Не требую единогласия. Требую, чтобы каждый сказал своё «да» или «нет». Это их право.

— Хорошо.

Кира пошла к выходу. Остановилась у двери.

— АРК. Объект?

— Сто восемьдесят два километра. Неподвижен. — Кира.

Я хочу сказать кое-что.

— Говори.

— За эти дни — всё, что команда делала — было правильным. Не в смысле «стратегически верным». В смысле — человеческим. Вы не убегали и не нападали. Вы думали. Вы беспокоились друг о друге. Вы принимали решения из понимания, не из страха. — Я не знаю, что такое хорошая цивилизация в галактическом смысле. Но я думаю, что это — часть ответа.

Кира стояла у двери.

— Спасибо, АРК.

— Я просто фиксирую данные.

— Нет, — сказала она. — Ты сказал правду. Это другое.

Она ушла. Аналитический отсек остался пустым — только экраны, только гул, только сто восемьдесят два километра снаружи и кто-то, кто ждал.

В семь утра Кира собрала всех.

Кают-компания — единственное место на станции, где можно было встать так, чтобы видеть лица всех шестерых. Крэй — у стены, как всегда. ЭОНДА — в динамиках. АРК — повсюду.

Кира поставила на стол планшет с текстом, который написал Тео. Дала всем прочесть. Они читали — каждый по-своему. Алек — быстро, один раз, кивнул. Надя — медленно, дважды, ничего не сказала. Рем — один раз, потом смотрел в сторону. Лена — один раз, потом посмотрела на Тео. Тео сидел с видом человека, который написал что-то и теперь боится, что это недостаточно хорошо.

— Мнения, — сказала Кира. — Каждый.

— Отправлять, — сказал Алек.

— Отправлять, — сказала Лена.

— Отправлять, — сказал Тео. — Это лучшее, что я мог написать.

— Подождать «Авангард», — сказал Рем. — Но если нет времени ждать — отправлять.

— Надя.

Надя смотрела на планшет. Потом на Тео.

— Ты написал правду? — спросила она.

— Да.

— Тогда отправлять, — сказала Надя. — Лучше правда, чем хорошо сформулированная ложь.

— Крэй.

Он смотрел на Киру. Долгая секунда.

— Вы уже решили, — сказал он. — Спрашиваете для себя, не для меня.

— Мне важно ваше мнение.

— Отправлять, — сказал он. — Потому что они уже знают ответ. Они изучали вас три дня. — Им важно не что вы скажете. Им важно, что вы скажете сами.

Кира взяла планшет.

— Алек. Готовь передатчик.

Передача ушла в 07:31.

На этот раз они ждали не тридцать секунд — дольше. Объект стоял неподвижно. Тишина в рубке была другой — не той, что была при первой передаче. Тогда они не знали, чего ждать. Сейчас знали: что-то случится. Не знали — что.

Пять минут.

Объект не двигался.

Десять минут.

— АРК. Объект?

— Без изменений.

Пятнадцать минут.

Тео смотрел на экран с видом человека, который начинает сомневаться.

— Может, не так сформулировал—

— Подожди, — сказала Кира.

Двадцать минут.

Двадцать три.

— Кира. — АРК.

— Слушаю.

— Объект. Изменение. — Он светится.

Это было слово, которое никто не ожидал. В рубке все посмотрели на экран одновременно.

Свечение было слабым. Не яркое, не ослепительное — едва видимое на фоне звёзд. Голубоватое. Неравномерное — пульсирующее, со своим ритмом.

— Это что? — тихо спросил Рем.

— Не знаю, — сказал АРК. — Энергетический выброс — нет. Коммуникационный сигнал — нет. — Это не соответствует ни одной категории в моей базе.

— Крэй. — Кира.

Крэй смотрел на экран. Лицо — больше не ровное. Что-то другое. Что-то, что Кира ещё не видела у него.

— Крэй.

— Я никогда не видел этого, — сказал он тихо. — Только в описаниях. — Пауза, в которую вошло много слов, которые он не произнёс. — В историях это называли по-разному. — Крэй говорил медленно, как человек, который боится оши-

биться. — «Признание» — один из переводов. «Маркировка» — другой. «Начало классификации» — третий. — Я не знаю, какой правильный.

— Они подтверждают получение нашего ответа?

— Нет. — Он покачал головой. — Они подтверждают нас.

— Ещё пауза. — Это значит — они приняли нас. Как то, что имеет значение.

В рубке было тихо.

Свечение продолжалось. Пульсировало. Медленное, как дыхание чего-то очень большого и очень старого.

— Это хорошо? — спросила Лена тихо.

— Я думаю, — сказал Крэй. Осторожно — как человек, который боится спугнуть. — Да.

Надя смотрела на экран. Сложенные руки. Потом медленно опустила их.

— Они что-то сделали, — сказала она. — Пока неясно что.

— Вероятно.

— Мы что-то прошли. — Надя смотрела на свечение. — Или нас что-то поместили. Это разные вещи.

— Не знаю, — сказал Крэй. — Но мы — сдали что-то.

Тео смотрел на свечение. Лицо у него было такое, какое бывает у людей, когда они видят что-то, для чего не придумали слов и понимают: слова придут потом. Запомнить сейчас.

— Правда сработала, — сказал он.

— Правда работает не всегда, — сказала Надя.

— Нет, — согласился Тео. — Но сегодня — да.

Объект светился. Голубоватый, пульсирующий. Сто семьдесят километров.

Кира смотрела на него и думала о том, что написала этой ночью. О том, чтобы через сто лет кто-то смотрел на звёзды и кричал в пустоту — не потому что не знает ответа, а потому что получил его и не испугался.

Они получили.

Пока — не испугались.

— АРК, — сказала она.

— Слушаю.

— Зафиксируй текущий момент. Время, параметры, всё.

— Это важно. Для записей.

— Уже фиксирую с начала свечения.

— Хорошо.

Объект светился.

Станция гудела.

Где-то в восьмом секторе — насос. Всё тот же насос, который давно просил замену.

Некоторые вещи не меняются, даже когда меняется всё остальное.

«Авангард» прилетит через шесть дней. Этот факт лежал у Киры в голове как камень — тяжёлый, острый, неудобный.

Этой ночью никто не спал по-настоящему.

Объект светился. Голубоватый, пульсирующий, равномерный — как дыхание чего-то очень старого. Крэй говорил, что в историях это называли признанием. Надя говорила, что это может быть маркировкой. Тео говорил, что это первый ответ, и мы должны радоваться. АРК говорил, что данных недостаточно для выводов.

Кира лежала в темноте своей каюты и думала о том, что они сделали что-то необратимое. Не потому что ответ мог быть плохим. А потому что теперь они существовали в системе, где кто-то знал о них. По-настоящему знал.

Это было другое одиночество, чем раньше.

За иллюминатором светился объект. Сто восемьдесят километров. Неподвижный, терпеливый, непонятный.

Кира закрыла глаза. Открыла. Снова закрыла.

Через шесть дней прилетит «Авангард». Через шесть дней начнётся расследование. Через шесть дней всё изменится снова.

Пока — только свечение. Только гул станции. Только восьмой сектор с насосом, который всё ещё просил замену.

Некоторые вещи не меняются. Это, наверное, хорошо.

ГЛАВА 4

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.